

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРОЛОГИИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

УРАЛЬСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

№ 3 / 2013

серия
**ЯЗЫК. СИСТЕМА. ЛИЧНОСТЬ:
ЛИНГВИСТИКА КРЕАТИВА**

Екатеринбург
2013

УДК 811
ББК Ш 101/107
У 68

Редакционная коллегия:

Серия «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива»:

Т.А. Гридина, д-р филол. наук, проф.

(Уральский государственный педагогический университет)

Н.И. Коновалова, д-р филол. наук, проф.

(Уральский государственный педагогический университет)

Н.А. Воробьева, канд. филол. наук, доц.

(Уральский государственный педагогический университет)

У 68 Уральский филологический вестник / ФГБОУ ВПО
«Уральский государственный педагогический универси-
тет». – Вып. 3. / Гл. ред. Т.А. Гридина. – Екатеринбург,
2013. – 119 с.

*(Серия «Язык. Система. Личность: Лингвистика
креатива». Вып. 22)*

ISSN 2306-7462

В сборнике представлены статьи, касающиеся анализа лингвокреативных механизмов речевой деятельности. Характеризуется творческая составляющая современной коммуникации в разных сферах функционирования языка: прагматика языковой игры в медиадискурсе, креативные процессы Интернет-общения, новации делового стиля, способы речевого воздействия в СМИ и манипулятивные речевые тактики разговорной речи, словотворчество в профессиональных подъязыках и т.п. Специальный раздел посвящен художественному тексту как пространству языкового креатива.

Ответственный за выпуск: Т.А. Гридина.

ISSN 2306-7462

© ФГБОУ ВПО «УрГПУ», 2013

© Уральский филологический вестник, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК И РЕЧЬ В ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА: СТЕРЕОТИП И ТВОРЧЕСТВО

<i>Бекасова Е.Н.</i> Лингвокреативный потенциал Оренбуржья: от куяна до ваучера	5
<i>Гридина Т.А., Коновалова Н.И.</i> «Куда идём? Большой вопрос...»: прагматика креатива в современном медийном дискурсе	13
<i>Гуляева М.А.</i> Стратегия невступления в коммуникацию	21
<i>Иванова Е.Н.</i> Приемы креативной номинации (на примере названий книжных магазинов г. Екатеринбурга).....	27
<i>Коровушкин В.П., Фалоджу Дж.О.</i> Лингвокреативный потенциал нигерийско-английского пиджина как проявление современной социально-языковой ситуации в Нигерии.....	32
<i>Кошкарлова Н.Н.</i> Способы речевого воздействия в новостных жанрах (на материале освещения событий Арабской весны)	43
<i>Тонкова Е.Г., Токтарова И.Н.</i> Креативный потенциал профессионализма <i>под ключ</i> в современном русском языке	48
<i>Чиждова И.Л.</i> Особенности словотворчества в речи мастеров художественных промыслов Среднего Урала (на примере метафорических наименований).....	53
<i>Шипицына Г.Н.</i> Инновации делового стиля в свете креативной деятельности	65
<i>Юнаковская А.А.</i> Компьютерные единицы в русскоязычной среде (на материале г. Омска).....	73

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ
КАК СФЕРА
ЛИНГВОКРЕАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

<i>Авдеева Г.А.</i> Стилистически маркированная (окрашенная) лексика в произведениях Г. Щербаковой.....	79
<i>Плотникова А.М.</i> Речь билингва в художественном тексте (на материале романа М. Гиголашвили «Захват Москвы»)......	93
<i>Устинова Т.В.</i> Языковая игра в метатекстах «языковых поэтов» Б. Эндрюса и А. Драгомощенко.....	99
Сведения об авторах	112
SUMMARY	115

ЯЗЫК И РЕЧЬ В ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА: СТЕРЕОТИП И ТВОРЧЕСТВО

Е.Н. БЕКАСОВА

*(Оренбургский государственный педагогический университет,
г. Оренбург, Россия)*

УДК 81'271
ББК Ш100.3

ЛИНГВОКРЕАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОРЕНБУРЖЬЯ: ОТ КУЯНА ДО ВАУЧЕРА

Аннотация. В статье рассматриваются изменения языковой ситуации Оренбургского края, оставляющие определённые «следы» в антропонимической системе, которая позволяет открывать механизмы словотворчества в современных условиях.

Ключевые слова: языковая ситуация, функциональная парадигма языка, языковые изменения, диалект, антропонимика, прозвища.

Исторически сложилось так, что территория будущей Оренбургской области на протяжении нескольких тысячелетий характеризовалась широким полиэтническим составом под влиянием природных и социально-политических факторов, а также в связи с высокой степенью миграционных процессов.

Расположение между Волгой и Тургаем, уральской тайгой и арало-каспийскими пустынями определяло статус своеобразных урало-каспийских ворот и способствовало прохождению через эту огромную территорию множества народов – савроматов, сарматов, угров, аланов, гуннов, печенегов, половцев, ногайцев, хазар и др., которые, ненадолго задерживаясь, ассимилировали местное население, оставляя следы своего пребывания, в том числе и в языковой ситуации.

Оренбургская губерния формировалась как многонациональный и поликонфессиональный край, где по-прежнему силь-

ны миграционные тенденции. В XVIII–XIX вв. речь выходцев более 20 губерний Российской империи смешивалась с говорами казахских племён, башкир и татар, а уральское казачество «сдабривало» эту смесь как иноязычными заимствованиями, почерпнутыми в многочисленных походах, так и церковнославянскими элементами ревностных хранительниц древнего благочестия. Оренбургская область в связи с освоением целинных земель, а затем и Оренбургского газового месторождения «прирастала» людскими ресурсами всего Советского Союза, а в постперестроечный период – выходцами из ближнего зарубежья, прежде всего из Республики Казахстан, с которой имеется протяжённая граница на востоке и юге (1876 км.).

В.И. Даль первым отметил целый ряд особенностей языковой ситуации территорий позднего заселения [Бекасова 2012 б)] на примере Оренбургской губернии: «Оренбургская губерния, заселённая искони инородцами, большею частью кочевыми, наполнилась русскими двадцати губерний в течение последних ста лет; поэтому общего наречия в губернии этой нет; но у старожилов уже сложились некоторые особенности» [Даль 1998: LXXIII]. При этом «хотя язык уральских казаков и нельзя назвать особым наречием, но у них много особенных выражений и оборотов, и говор их так отличителен, что уральца всюду узнать можно с первых слов ... происхождение его от безымянной вольницы» [там же].

Такая особенность формирования и бытования новых систем говоров обуславливает широкие процессы интерференции: «в Саратовской и Оренбургской губерниях, населённых в нынешнем веке, и отчасти в последнее время, выходцами двадцати губерний, довольно легко, по наречию, узнавать происхождение переселенцев; затруднительнее это, когда старики уже вымерли, а молодое поколение исподволь привыкает к говору местному, особенно же если селение сбродное, из переселенцев разных мест, и молодёжь между собой освоилась и свыклась» [Даль 1998: LI]. Наряду с этим происходит и нивелирование диалектных особенностей, так как «образованность и просвещение сглаживают постепенно различие наречий, проходя повсюду с уровнем своим» [Даль 1998: LVI].

Эти наблюдения В.И. Даля подтверждаются современной ситуацией на территории Оренбургской области, где фактически разрушены системы былых говоров. За годы советской власти практически полностью было уничтожено казачество. Выжившие «родительницы» – столетние казачки – даже в 70-е–80-е годы гордо отказывались разговаривать с собирателями фольклора и диалектов. Во время освоения целины (50-е годы) и открытия газового месторождения (70-е годы) Оренбуржье захлестнула волна миграции населения; перестройка опустошила сёла [Бекасова 2002; 2008; 2010а; 2011]. Своеобразное «перемешивание» языков и культурных традиций происходит и сейчас, когда на смену одним переселенцам приходят другие, чаще всего из ближнего зарубежья.

В настоящее время в Оренбургской области остались немногочисленные поселения с устойчивым составом. Как правило, это старые, казачьи деревни, где в антропонимической системе представлены «сколы» прежней языковой ситуации, например, в сохранении так называемых уличных фамилий. В частности, в 1836 г. в деревне Городище в проживало 2097 человек и имелись 200 фамилий, в результате чего за почти двухсотлетнюю историю многие села получили «придаточные имена» [Даль 1998 (т. 3): 485]. Дифференциация шла по территориально сложившемуся делению села (*Востоковские, Угляне, Куток, Кировские, Октябрьские*) и по семьям (Завалишины: *Мелея, Суслик, Корней, Бахча, Рядовой, Халява, Бурёнка* и др.). Прозвище учитывалось и учитывается сейчас в официальных документах (при начислении зарплаты, выдаче пенсий и корреспонденции), обычно его пишут карандашом, чтобы избежать наличия тёзок, которые нередко представлены всей формулой личного имени. Например, в Городище проживают три Завалишина Александра Ивановича, два из которых имеют прозвища – *Корней, Мелея*; три из четырёх Рязановых В.И. также помечаются прозвищами: *Кузенья, Самовар, Сокол*; Тулинцевы В.И. различаются как *Васян, Хатёк, Хромой*. Старинные уличные и семейные прозвища жителями Городища воспринимаются как нечто естественное, соединяющее их с предками, поэтому носят их с достоинством. Более того, ощущая себя единым родом, городи-

щенцы принимают общее сельское прозвище – *Чинёнки* (по местной легенде, за умение готовить большие пироги, начинённые пареной тыквой). Уверенность в своей особенности и чувство превосходства казаков привело к появлению прозвища для всех приезжих – *Наплывь* (по В.И. Далю, «всё, что наплыло куда, нанос, наволок; отвердевший осадок, накипь; болезненный нарост на деревьях» [Даль 1998 (т. 2): 451-452]).

Следы подобных прозвищ – своеобразного «дедичества» – редко встречаются в других населённых пунктах Оренбургской области. Например, в одном из сёл Пономарёвского района многочисленных Болдыревых разделяют по прозвищам прадедов на *Петряев* (за ласковое прозвище *Петряй* от имени Пётр), *Чайников* (за похвальбу прадеда чирьем на своём носу, который он называл чайником), *Рыжковых* (за цвет волос, который потомки не унаследовали). Респондент подчёркивает: «Если в село приезжают незнакомые люди и спрашивают: «Где живут Болдыревы?» – то в ответ слышат: «А какие Болдыревы?». Такое наследственное прозвище может функционировать не только в качестве фамилии всех потомков (*Резонансы* – от любимой присказки деда «Никакого резонанса»), но может избирательно применяться только к мужчинам (*Балабол*, *Хануга* – по качествам личности прадеда) или становиться прозвищем женщины (*Анна Кутынична* – от прозвища прадеда *Кутынька*) (подробнее см.: [Бекасова 2003]).

В станице Чернореченской Оренбургского района уличные (или семейные) прозвища имеют более древние корни: они или указывают на место, откуда пришли предки (*Вотинцевы* – с реки Воты, *Волженцевы* – с Волги, *Донсковы* – с Дона), или на ремесло первых переселенцев (*Бочкарёвы*, *Смольниковы* – изготовители бочек, *Колбасниковы* – производители колбасы), или по имени садчика – выборщика новых земель, который руководил переселением общины крестьян (*Ремеевы* – по прадеду Еремею, *Фомаевы* – по Фоме).

Оренбургская область характеризуется практически полным разрушением диалектных систем, однако ряд прозвищ своеобразно «консервирует» ранее бытовавшую диалектную лексику, при этом диалектные по происхождению прозвища

Оренбуржья имеют различные, но, несомненно, очень древние корни. Например, прозвище *Микина* (так указал респондент, видимо, фиксируя иканье) мотивируется «бесшабашной тупостью» носителя. Судя по «Словарю русских народных говоров», *мякина* – название маленьких детей, детское прозвище [СРНГ, в. 19: 77] – в нашем случае оно закрепляется за взрослым человеком, закостеневшим в детской бесшабашности и неразвитости. *Лямза* – «мужчина маленького роста, пристающий с расспросами и разговорами» – имеет в Словаре другие значения: 1. Растяпа, ротозей. 2. Медлительный в работе, нерасторопный человек. 3. Вор [СРНГ, в. 17: 274], однако глагол *лямзиться* – напрашиваться на дружбу, подлаживаться к кому-либо с корыстными целями (Ср. Урал, Зауралье) – сохраняет семантическое значение анализируемого прозвища.

Следует отметить, что в прозвищах фиксируется диалектные слова говоров, территориально далёких от Оренбуржья, например, архангельских, пинежских: *Марьюха* – «плохо слышащая женщина», в северных говорах – «самка тетерева-косача» [СРНГ, в. 17: 379], который, как известно, во время токования ничего не слышит.

Меткое диалектное слово накрепко приклеивается к его носителю, высвечивая наиболее яркую его особенность, получая новые семантические оттенки, например: *Клушка* (прозвище старшего брата, который ухаживал за своими двумя маленькими братьями), *Комолый* (учитель физкультуры с залысынами, ср.: *комолый* или *комлатый* – безрогий [Моисеев 2010: 62]); *Ковыляй* (ходит чуть-чуть прихрамывая); *Кук* (дед валял-от валенки, был валяльщиком, от куколь – войлок), *Дед Руда* (дед до самой глубокой старости оставался ярко-рыжим, то есть *рудым* [Моисеев 2010: 150]) и под.

Смешанный этнический состав населения Оренбуржья приводит к своеобразной контаминации разноязычных слов в составе прозвища типа *Корноухий Фаткула* (проиграл ухо в карты) или слиянию генетически неоднородных элементов типа *Усманиха*, *Шайтаниха* (женщины, мужей которых зовут Усман и Шайтан), *Габычixa* (дочь, по отчеству, вместо Габайдулловна (Габайдулла > *Габыч*), *Файзуленок* (сын, по отчеству от имени *Файзула*) и под.

[Бекасова 2012а]. Подобные прозвища – яркое проявление интерференции разных языковых систем, свидетельствующее о восприятии тюркских имён в сознании носителей русского языка как реальности, лишённой статуса «чужого» [Бекасова 2013а, б)].

Реже встречаются прозвища тюркского происхождения, которые на определённой территории понятны и для русскоязычных, например: *Каскыр* < волк, *Куян* < заяц и др. Однако такие прозвища не тождественны простому переводу, так как у зафиксированных в нашей картотеке 6-ти носителей прозвища *Каскыр*, как правило, отмечаются наиболее отрицательные черты хищника – злость, ненасытность, подлость, вредность и под. Аналогичная картина с носителями прозвища *Куян* (12 человек), где подчёркивается нелюдимость, угрюмость, одиночество, отсутствие семьи и друзей, отшельничество или проживание на краю деревни. Интересно то, что зафиксированное в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля слово ‘*куянь*’ (татар., *оренб.* – *ушкан, заяц* [Даль 1998 (в. 2): 230]) не только живёт в номенклатуре современных оренбургских прозвищ, но сохранило семантическое уточнение, обусловившее вхождение в систему русского языка тюркского слова, которое заполнило определённую языковую лакуну. Об этом свидетельствует рассказ одного из старожилов с. Паника Бузулукского района Оренбургской области, который ссылается при объяснении прозвища на первичное значение старого заимствования: «*Куян* – это прозвище Клетушкин И.Н. получил ещё в детстве. Он был небольшого роста и кривоногий, очень быстрый (шустрый), а друзей у него не было. Напоминал он этим зайца-отшельника, зайца-одиночку. У нас таких зайцев называют *куянами*. Все уже и забыли его настоящую фамилию и называют его Куянов И.Н.». Налицо семантическая градация синонимического ряда *заяц* – *ушкан* – *куян*, в котором тюркизм обозначает матёрого зайца-самца, одиночку и отшельника.

В современной языковой ситуации «свёртывание» функциональной парадигмы русского языка за счёт отсекаемого диалектного потенциала, разрушение взаимодействия языков коренного населения ведёт к производству прозвищ на базе русского литературного языка, при этом наиболее востребованными становятся

ся внедряющиеся в него иностранные слова, которые обуславливают определённую этимологическую рефлексии и включают механизмы словотворчества [Гридина 2012], весьма востребованные в прозвищах.

Показательным в этом плане печальнопамятное слово *ваучер*, которое в Оренбуржье стало наименованием не только пустой пластиковой бутылки (таковой оказалась истинная цена этой бумаги в деревне, где до сих пор говорят: «Куплю *ваучер* пива», «Займу *ваучер* масла») и кличкой крупной дворовой собаки, но и весьма показательным прозвищем *Vaucher* – парень, который никому не нужен. Всё это свидетельствует о том, «народное сознание никогда не довольствуется внешним приятием чужого понятия, оно творит своё предстательство» [Колесов 1999:156], которое своеобразно преломляется ономастическом пространстве Оренбуржья.

Многослойность и разноязычность языковой ситуации как отражение времени в координатах пространства трудно поддаётся однозначному «прочтению», особенно в условиях многообразных контактов и смены народов, однако в определённых системах, в частности, ономастических, могут проследиваться основные тенденции языковых изменения и пристрастий, при этом лингвокреативные механизмы остаются прежними, несмотря на изменения языковой базы.

ЛИТЕРАТУРА

Бекасова Е.Н. (а) Креатив на грани языков // Уральский филологический вестник. 2012. Вып. 3. (Серия: Язык. Система. Личность. Лингвистика креатива. Вып. 21). URL: <http://journals.uspu.ru/uralskij-filologicheskij-vestnik/serii-vestnika/101-yazyk-sistema-lichnost/yazyk3-2012.html>. (дата обращения: 01.08.2013).

Бекасова Е.Н. (а) Поликультурное образование в Оренбуржье // Языковая политика и социально-правовые аспекты адаптации мигрантов: проблемы, реализация, перспективы: материалы III междунар. науч.-практ. конф., Тюмень, 7–8 июня 2010 г.; в 2 ч. Ч. 1. – Тюмень, 2010. С. 90–92.

Бекасова Е.Н. (а) Система русского языка в контексте языкового и культурного взаимодействия // Вопросы современной филологии в контексте взаимодействия языков и культур: сб. статей междунар.

науч.-практ. конф., Оренбург, 15–16 мая 2013 г.: / отв. за вып. М.И. Вахрушева; Оренб. гос. пед. ун-т; Мин-во образования Оренбургской области. – Оренбург, 2013. С. 18–22.

Бекасова Е.Н. (б) Сокровищница нашего языка // В.И. Даль в мировой культуре: сб. науч. работ. Ч. IV. – Луганск; М., 2012. С. 214–223.

Бекасова Е.Н. (б) Традиции и инновации в современных антропологических системах (по данным русского и тюркского именников) // Судьбы национальных культур в условиях глобализации: материалы II междунар. науч. конф., Челябинск, 4–5 апреля 2013 г. / под ред. В.Г. Будыкиной. Т. 1. – Челябинск, 2013. С. 56–58.

Бекасова Е.Н. «Напоющий источник» Оренбуржья // Пятые Большаковские Чтения. Культура Оренбургского края: история и современность: научно-образовательный и культурно-просветительный альманах. – Оренбург, 2011. С. 398–401.

Бекасова Е.Н. Бесценное пособие к познанию национальной биографии // Регионально ориентированные исследования филологического пространства. – Оренбург, 2008. С. 130–135.

Бекасова Е.Н. Оренбургский край как источник лексикографических изысканий В.И. Даля // Владимир Иванович Даль и современные филологические исследования: сб. науч. работ / Ин-т языковедения им. А.А. Потебни НАН Украины. – Киев, 2002. С. 104–107.

Бекасова Е.Н. (б) «Прозывчивый народ» // Уральские Бирюковские чтения: Культура и образование в регионах: история и современность: материалы всерос. науч.-практ. конф., Челябинск, 21–22 сентября 2010 г. – Челябинск, 2010. С. 358–366.

Бекасова Е.Н. Русские прозвища как отражение ментальности // Концептосфера русского языка: константы и динамика изменений: материалы X Конгресса междунар. ассоциации преподавателей рус. языка и литературы, Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г. – СПб., 2003. С. 293–303.

Гридина Т.А. Языковая игра в художественном тексте: монография. 2-е изд., испр. и доп. – Екатеринбург, 2012.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. (2-е изд., 1880–1882 гг.). – М.: Русский язык, 1998.

Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...». – СПб., 1999.

Моисеев Б.А. Оренбургский областной словарь. – Оренбург, 2010.

Словарь русских народных говоров. – М.; СПб., 1965–2007. Вып. 1–41 (издание продолжается).

Т.А. ГРИДИНА, Н.И. КОНОВАЛОВА
(Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия)

УДК 81'27
ББК Ш100.3

«КУДА ИДЁМ? БОЛЬШОЙ ВОПРОС ...»: ПРАГМАТИКА КРЕАТИВА В СОВРЕМЕННОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. В статье анализируется прагматика оценочных импликатур в современном языке газеты. Выделяются стратегии и приемы воздействия на адресата с использованием лингвокреативной техники языковой игры.

Ключевые слова: лингвокреативная деятельность, медийный дискурс, прагматика языкового воздействия, языковая игра

Современный медийный, в частности, газетный дискурс насыщен (часто даже перенасыщен) креативом¹, в том смысле, что информация транслируется с использованием нестандартного языкового кода, привлекающего внимание адресата и требующего дешифровки содержащихся в тексте оценочных импликатур. В особенности это касается политических фактов, аргументация которых часто обращена не столько к логической, сколько к эмоционально-оценочной сфере читателя. Прагматика лингвистического креатива в медийном дискурсе, следовательно, обусловлена использованием таких средств воздействия (убеждения), которые формируют у члена социума определенный взгляд на освещаемое событие, факт. В основе креативных механизмов лежит обновление формы речи, привлекающей внимание не только своей нестандартностью, но и апелляцией к «сообразительности» собеседника, способного оценить явные и скрытые за фразой смыслы.

Рассмотрим наиболее типичные «лингвистические аргументы», используемые в предъявлении политической информации

¹ См. серию коллективных монографий под ред. проф. Т.А. Гридиной: *Лингвистика креатива-1.* – Екатеринбург, 2009; *Лингвистика креатива-2.* – Екатеринбург, 2012.

на газетной полосе. Материал для анализа извлечен из одного номера газеты «Аргументы и факты» [АИФ № 16 (1693) 17–23 апреля 2013].

Основными формами газетного креатива выступают:

1. Обыгрывание символики прецедентных феноменов. При этом в число приемов явной и имплицитной аргументации входит активное соединение вербального и невербального кодов передачи информации (использование креолизованных текстов).

Так, политический подтекст содержит в себе следующий обыгрываемый фотоколлаж: сюжет картины И. Репина «Бурлаки на Волге» разворачивается на фоне Москва-реки и Кремля.

Бурлаки, однако, «тянут бечевой» не барку, как в художественном оригинале, а некую красную платформу в виде вопросительного знака. Этот видеоряд сопровождается надписью: *Куда идём? Большой вопрос...* (ср. всплывающую аллюзию на ключевую фразу из поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души»: «Русь, куда ж несешься ты? Дай ответ. – Не дает ответа», а также ассоциации с символическими названиями романов «Камо грядеши» Г. Сенкевича, «Что делать?» Н.Г. Чернышевского, «Кто виноват?» А.И. Герцена; вторая часть вербальной реплики *большой вопрос*, помимо собственно значения сомнительности, аллюзивно отсылает к тексту песенки-загадки Винни-Пуха: *Куда идем мы с Пятачком – большой-большой секрет...*). Считы-

вание этих импликатур заставляет читателя задуматься над извечным вопросом об историческом пути и перспективах развития России (в свете намека на неблагополучие современной социально-экономической и политической ситуации).

Особая роль отводится прецедентному заголовку, который не только маркирует тему статьи, но и задает некоторый ракурс восприятия того, о чем сообщается. Ср., например, **«Закон о трех буквах»** (эвфемистический перифраз, объединяющий высказывания политиков и других общественных деятелей по поводу запрета мата в СМИ). В основе такого употребления – легко считаваемая импликатура *«послать на три буквы»*, что обыгрывается в приведенных, также эвфемистических, репликах по поводу данного прецедента. Ср.: А. Волин, замминистра связи и массовых коммуникаций. *«Список матерных слов никто составлять не будет. Потому что слова, которые нельзя употреблять (в СМИ. – Ред.), каждый из нас знает с восьми лет»*. Здесь же журналистский комментарий к сказанному: *«Так и запишем в законе: «Запретить слова, которые каждый знает с восьми лет. Кстати, как его правильно называть – закон о трех буквах или закон об одной матери?»* (С. Репов, А. Фуфырин) [Думается, что и имена написавших этот текст журналистов – псевдонимы, аллюзивно мотивированные просторечной фраземой *чесать репу* – «с напряжением думать о чем-либо», и экспрессивным глаголом *фуфыриться* «злиться, сердиться, дуться, горячиться, привередничать» – см. В. Даль, М. Фасмер. Этот креативный ономастический код отражает явно ироническое отношение к описываемому факту]. См. также прецедентные заголовки, придающие проблемный «пафос» освещаемому событию. Например: **«Всех под одну гребенку?»** – статья о борьбе с взяточничеством; **«Для правды опять не время?»** – статья М. Веллера по поводу написания единого учебника истории. Ироническая подоплека этих риторических вопросов очевидна. Или: **«Украл, спрятал, свалил? Кого проверят на честность и что ждет нарушителей закона»** (статья о введении декларации о доходах государственных чиновников). Лежащий в основе игровой трансформации прототип – известная фраза Ю. Цезаря *«Пришел. Увидел. Победил»*. Сопряжение

трансформы и прототипа задает импликатуру «*Quod licet Iovi non licet bovi*» (Что дозволено Цезарю, не дозволено быку). Вопрос о том, все ли равны перед законом, составляет движущую пружину вовлечения читателя в дискуссию.

2. Обыгрывание семантической двуплановости фразы и эффекта обманутого ожидания (ассоциативной провокации [Гридина 1996]): ср., например, анонсы к публикуемым в номере статьям на первой странице «АИФ»: *ЧТО? ... нас застрахует от врачебных ошибок* (намек на то, что медицинская страховка – еще не гарантия реальной помощи); *ПОЧЕМУ? ... наши власти страдают недержанием ... обещаний* (ср. *недержание* в значении, синонимичном медицинскому термину «энурез», что создает импликатуру «раздавать обещания, будучи не в состоянии удержаться от желания понравиться электорату, не задумываясь об ответственности за свои слова»); *ГДЕ? ... учат Родину любить* (обыгрывание прямого и эвфемистического смысла выражения, используемого как угроза в адрес того, кто не подчиняется уставу – из армейского жаргона); *ГДЕ? ... Россия хранит свою кубышку на черный день* (контаминация прямого и переносного смысла устойчивых выражений «*отложить /деньги/ на черный день*» и «*хранить деньги в кубышке*»); *КАК?... экономические показатели страны влияют на количество олимпийских медалей* (выражение, содержащее импликатуру о переходе количества в качество: в данном случае это намек на состояние экономики, не способствующее развитию спорта в нашей стране); *КАК? ... высокой культуре не упасть ниже плинтуса* (антонимическая актуализация переносного и прямого значений устойчивых выражений; ср. *опустить ниже плинтуса* – о предельно уничижительной оценке чего-либо или кого-либо; намек на профанирование высоких культурных (в том числе образовательных) ценностей в современном российском социуме и т.п.

3. Словотворческие инновации, маркирующие актуальные события социально-политической жизни и часто имеющие первичную авторскую паспортизацию: будучи приведенными как прямая цитация из речи авторитетного лица, такие прецеденты получают приоритетное право на закрепление в языке. Так, в своем интервью о строительстве нового космодрома под Благо-

вещенском, на берегу Тихого океана, В.В. Путин употребил неологизм *приводняться* со следующей ссылкой: «Здесь есть железная дорога, достаточно много свободного места, что удобно и с точки зрения приземления будущих космонавтов. Правда, как говорят специалисты (выделено нами. – Т.Г., Н.К.), наши космонавты здесь будут иногда не приземляться, а приводняться – в океане». Отмеченный факт подчеркивает известную всем склонность президента к образной и нестрогой официальной манере речи, что характерно в целом для «языкового вкуса эпохи» (В.Г. Костомаров). Словообразование, являясь яркой чертой современного языка газеты, эксплуатирует как традиционные для публицистического стиля, так и новые модели экспрессивной номинации [см.: Гридина, Коновалова: 2007]. Ср., например, *Майамщина* (от *Майами* с использованием суффикса – *щин/а*) по аналогии с *Брянщина*, *Смоленщина*. Однако в отличие от приведенных традиционных топонимов неологизм содержит оценочную коннотацию, наведенную ситуативным контекстом. Речь идет о намерении В. Пехтина, экс-депутата Госдумы, принять предложение председателя правления «Рус-Гидро» перейти на работу в эту компанию. На слова депутата: «Там я не буду ограничен по территориальному признаку», – журналист реагирует иронической вопросительной репликой: «То есть вскоре следует ожидать появление российских ГЭС на Майамщине?» (импликацией является намек на Майами как излюбленное политиками место отдыха, куда и отправится «работать» раскрепощенный депутат). К топонимическим инновациям можно отнести и название *Лондонград*. Ср. заметку «Сколько наших в Лондонграде живет?», в которой обсуждаются причины наличия в британской столице более 300–400 тысяч россиян, в том числе тех, кто ищет в ней политического убежища (при этом упоминаются имена таких «сверхбогачей» и олигархов, как Абрамович, Батурина, Дерипаска, Закаев и др.). Экспрессия топонима определяется, с одной стороны, его структурой, включающей топоформант *-град*, обладающий национально-специфичной «славянской» коннотацией (и здесь есть намек на то, что Лондонград стал «главным зарубежным пристанищем для россиян»); с другой стороны, в самом названии

заметки считается аллюзия на рефрен русской народной сказки «Теремок» (*Кто-кто в теремочке живет?*). Применительно к проблемам жизни современного Лондона с его огромным многонациональным населением и привлекательностью для эмигрантов эта аллюзия вызывает мысль об излишней «толерантности» британских властей (ведь, как известно, сказочный теремок не выдержал напора желающих поселиться в нем «гостей» и развалился).

Среди актуальных экспрессем газетного дискурса можно отметить образованные способом сложения типа *почтомат, деньгопровод*. Ср. название заметки «*Бандероль из почтомата*» (о новых устройствах для автоматической выдачи почтовых отправлений), статью В. Гудковой «*Деньгопровод*» с подзаголовком «*Кто “сливает” себе бюджетные миллионы?*» (по поводу обсуждения на парламентских слушаниях законопроекта о Росфинагентстве, которому планируется передать накопленные нефтяные деньги). В этом контексте *деньгопровод* «синонимизируется» со своим прототипом *нефтепровод*, акцентируя оценочную импликацию «нефть – источник доходов не только для государства, но и средство обогащения конкретных лиц в ущерб народному благосостоянию». По словам Оксаны Дмитриевой, д.ф.н., профессора, первого зампреда Комитета Госдумы по бюджету и налогам, «*это очередная схема для увода народных средств*».

Интересен окказионализм, представленный в названии заметки «*Ударники каптруда*»: о сосуществовании советских символов с приметамы рыночной эпохи, возвращении советских реалий в нашу сегодняшнюю жизнь. Легко узнаваемый прототип *ударник (герой) соцтруда* создает эффект восприятия смысла новообразования по принципу ассоциативного наложения [Гридина 1996], совмещая традиционно разнонаправленные идеологические векторы оценки реалий социализма и капитализма.

Из экспрессивных глагольных новообразований разговорного стиля назовем представленное в газетной публицистике слово *кошмарить*. Ср. статью с названием: «*Борьба за землю. Зачем кошмарить фермера?*». Глагол в статье имеет значение «создавать кошмарные, невыносимые условия для развития

фермерских хозяйств», хотя этим его оценочный потенциал не ограничивается. Данное новообразование, мотивированное существительным *кошмар*, имеет широкое значение «применение агрессивных мер устрашения кого-либо, запрета (в том числе законодательного порядка) с целью подавления, пресечения не поощряемой кем-либо инициативы».

4. Использование метафорического кода как способа актуализации оценочных импликатур. Приведем лишь одну иллюстрацию из материалов рассматриваемой нами газеты «АИФ»: **«Мы все равно встанем!»** – название статьи поэта А. Дементьева об актуальности советского лозунга «Все на защиту искусства» в наше время. Стертая метафора *встать на защиту* (кого-л. или чего-л.) в тексте этой газетной публикации получает эмоциональное подкрепление: *«Я бы даже шире сформулировал: все на защиту культуры! На защиту в прямом смысле слова (выделено нами. – Т.Г., Н.К.). Посмотрите, сколько из бюджета выделяется денег на нее. Это позор для России!»*. Прямые императивы (призыв к тому, чтобы возродить культуру) подкрепляются далее метафорическими номинациями иронической тональности: **«Общество туземцев»** (о поколении, переставшем любить свою родину, утратившем чувство патриотизма). Но наиболее полно обыгрывание метафорического смысла заглавия статьи разворачивается в рассуждениях автора по поводу символов, в которых предстает сущность России сознанию современной молодежи. В одном из конкурсов по выбору такого символа победил образ Ваньки-Встаньки: *«мол, нас не завалишь!»*. Читатель задает автору статьи вопрос: *«Как, по-вашему, мы пока еще Ванька-Встанька или центр тяжести у страны сместился и неваляшка все-таки завалится?»* (заметим, что этот вопрос метафорически развивает затронутую в статье тему профанизации культурных ценностей). Ответный комментарий А. Дементьева актуализирует положительный оценочный смысл данной метафорической аналогии – оптимистический взгляд на будущее культурное возрождение России: **«Конечно, Ванька-Встанька! Я верю, что мы все равно встанем»**.

Даже этот краткий обзор креативных практик современного языка газеты убеждает в том, что традиционное для публици-

стического стиля выражение открытой оценки (лозунговость, императивность) уступает место стратегиям оценочного имплицирования с применением стратегий языковой игры. При этом на первый план часто выступает манипулятивная прагматика игры, связанная не только с формированием общественного мнения, но и с активным вовлечением читателя в публицистический диалог.

ЛИТЕРАТУРА

Гридина Т.А. Языковая игра в жанре политприкола // Политическая лингвистика. 2011. № 4(38). С. 47–51.

Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. – Екатеринбург, 1996.

Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Современный русский язык. Словообразование: теория, алгоритмы анализа, тренинг. – М.: Флинта: Наука, 2007.

Лингвистика креатива-1: Коллективная монография / под ред. проф. Т.А. Гридиной. – Екатеринбург, 2009.

Лингвистика креатива-2: Коллективная монография / под ред. проф. Т.А. Гридиной. – Екатеринбург, 2012.

© Гридина Т.А., Коновалова Н.И., 2013

М.А. ГУЛЯЕВА

*(Волгоградский государственный педагогический университет,
г. Волгоград, Россия)*

УДК 316.77
ББК Ш100.4

СТРАТЕГИЯ НЕВСТУПЛЕНИЯ В КОММУНИКАЦИЮ

Аннотация. В статье анализируется стратегия невступления в коммуникацию, основным направлением которой является уход от общения, описываются тактики, реализующие данную стратегию.

Ключевые слова: отказ от общения, уход от общения, молчание, игнорирование собеседника.

Исследование посвящено проблеме отказа от общения, трактуемого нами как коммуникативное действие или его значимое отсутствие, целью которого является сознательная или бессознательная демонстрация намерения невступления в коммуникацию либо ее прерывание. Анализ практического материала позволил выявить основные стратегии коммуникативного акта отказа от общения, которые включают: 1) стратегию невступления в коммуникативный процесс и 2) стратегию выхода из коммуникации. Нами также были описаны тактики, используемые для реализации данных стратегий. Цель настоящей статьи – дать подробное описание стратегии невступления в коммуникацию, а также рассмотреть тактики, используемые для ее реализации.

Стратегия невступления в коммуникативный процесс направлена на избегание коммуникации в целом. Основным направлением действия данной стратегии является *уход от общения*, при котором один из участников пытается любыми способами избежать вступления в коммуникацию. Среди тактик, используемых для реализации данной стратегии, мы выделяем:

- избегание партнера по общению (когда человек любым способом старается не попадать в одно коммуникативное пространство с нежелательным собеседником);

- молчание (отсутствие попыток вступить в коммуникативный процесс);
- демонстрация причин, по которым в данный момент общение нежелательно: «человек может притвориться спящим, глухим, пьяным, сделать вид, что не понимает языка собеседника или изобразить наличие любого другого дефекта, свидетельствующего об оправданно невозможной коммуникации» [Василик 2003: 1];
- открытое игнорирование или прямая демонстрация нежелания общаться: действия адресанта направлены на то, чтобы его намерение не общаться было понятно реципиенту;
- скрытое игнорирование или непрямая демонстрация потенциального партнера по общению: коммуникант делает вид, что не замечает или не слышит, как к нему обращаются, желая избежать неприятного общения, нежелательного разговора, встречи;
- переключение внимания на другой объект.

Рассмотрим указанные тактики подробнее. Под *избеганием* мы также понимаем физическое дистанцирование от нежелательного партнера. Избегание может проявляться как в открытой (когда сторона не скрывает своего нежелания общаться), так и завуалированной форме (когда сторона не стремится, чтобы реципиент понял ее намерение избегать общения с ним) в зависимости от коммуникативной ситуации. Кроме того, применительно к тактике избегания коммуникации представляется возможным говорить о следующих ее разновидностях:

1. Избегание коммуникации в целом (партнер не настроен на общение вообще – имеют место психологические и личные причины, препятствующие установлению коммуникативных отношений). Ярким примером такого рода избегания является герой произведения А.П. Чехова «Человек в футляре» Беликов, который из-за собственных страхов («как бы чего не вышло») избегал общения с людьми. «Щитами» Беликова для прикрытия от людей служат его темные очки, которые он носит постоянно, его воротник, в который он прячет свое лицо, а также пальто на вате, калоши и зонтик. По мнению М. Эпштейна, «речь идет о тяжелой форме социофобии – недуга, от которого страдает

множество “маленьких” людей во всем мире, желающих только одного – затвориться в своем футляре» [Эпштейн 2005: 4].

2. Избегание коммуникации с конкретным лицом, с которым партнер не может или не желает общаться в настоящее время. Человек может не отвечать на письма, телефонные звонки, не посещать места, где есть вероятность столкнуться с «объектом» избегания. При завуалированном избегании может сделать вид, что не заметил его и пройти мимо. При открытом избегании может демонстративно перейти на другую сторону улицы, чтобы не сталкиваться с нежелательным собеседником. Проиллюстрируем такое избегание следующим примером: Мими в обиде на Джейни. Она избегает встреч и разговоров с ней. Они встречаются на приеме.

Джейни внимательно за ней наблюдала. Они не виделись несколько дней. Когда бы она ни позвонила Мими, у той обнаруживались важные дела, и Джейни приходилось разочарованно класть трубку. Сейчас Мими тоже вела себя странно...

– Послушай, Мими, – не выдержала она, – прости, что так вышло с Зизи. Я не знала, что Патти и Диггер помиряются.

– Конечно, не знала. – И Мими отошла (К. Бушнел. «Все на продажу»).

3. Избегание коммуникации в создавшихся условиях, которые становятся препятствием для одного или обоих партнеров. Ср., например, коммуникативную ситуацию, которая не способствует общению: два человека, находящиеся в одном пространстве избегают встречи друг с другом, делают вид, что не узнали друг друга, так как не хотят, чтобы окружающие знали об их знакомстве.

Следующей тактикой в рамках стратегии невступления в коммуникацию в ряде случаев может выступать *молчание*, когда стороны (сторона) не предпринимают попыток вступить в коммуникативный процесс, либо когда в ответ на реплику партнера, коммуникант выбирает молчание, чтобы показать свое нежелание общаться. Важно отметить, что использование такой тактики не означает невступление в коммуникативный процесс. Выбирая молчание, коммуникант может лишь думать о том, что он находится вне процесса коммуникации, на самом же деле, мол-

чание является коммуникативным действием, а значит, передает определенный сигнал реципиенту. Часто молчание может быть тактикой, используемой при квазиотказе от общения, то есть когда партнеры думают, что не общаются, но коммуникативный процесс между ними сохраняется. Молчание может быть как основной и единственной тактикой, используемой для избегания коммуникации, так и частью стратегического плана коммуниканта, направленной на выход из коммуникации. Пример: *«Муж после вечерней ссоры с женой возвращается домой. Она встречает его в коридоре. Он направляется к себе в комнату, даже не взглянув на нее. Она следует за ним, задает вопросы. Он отвечает, не поворачиваясь.*

– Где ты был?

– (молчание)

– Ты говорил с Рикардо?

– Нет.

– Будешь?

– Не знаю.

– Карло! Чего ты добиваешься? Карло! (повышает голос)

– (заходит в спальню, хлопая перед ней дверью)».

В приведенном отрывке четко прослеживается намерение коммуниканта избежать коммуникации. Муж изначально выбирает тактику молчания, желая избежать разговора с женой. Однако коммуникативная задача не вступать в коммуникацию не выполнена, так как общение все-таки состоялось из-за проявленной коммуникативной инициативы партнера (жены).

• Другой тактикой для ухода от общения служит приемлемое для собеседника, не обижающее его указание причин, по которым в данный момент общение нежелательно. К примеру, общеизвестно, что при попытке правоохранительных органов пообщаться с нелегально проживающими на территории Российской Федерации людьми, те моментально «забывают» русский язык, чтобы избежать общения. Другим примером могут послужить разносчики литературы и сувенирной продукции в поездах дальнего следования, многие из которых нарочно притворяются глухонемыми, чтобы избежать контакта с потенциальными покупателями и, возможно, вызвать к себе расположе-

ние людей. Избежать нежелательного общения в транспорте с назойливым попутчиком, можно притворившись спящим или увлеченно читающим.

Прямая демонстрация (в более или менее грубой форме) нежелания общаться или открытое игнорирование также может быть тактикой невступления в коммуникацию. Человек может войти в помещение и поздороваться со всеми лично, исключая того, с кем он не хочет общаться, тем самым показывая открыто свое намерение не вступать в коммуникативный процесс. При открытом игнорировании, действия адресанта направлены на то, чтобы его намерение не общаться было понятно реципиенту. Такое поведение не соответствует правилам вежливости, кроме того часто носит деструктивный характер. Однако такая тактика может использоваться как эффективное средство выражения протеста, выполнять экспрессивную функцию. В следующем примере действия происходят в оккупированной немецкими войсками Франции. В то время многие намеренно избегали общения с фашистами, выбирая именно тактику игнорирования, которая являлась для людей одним из немногих способов противостать вторгнувшемуся на их территорию врагу:

На остановке в вагон входит женщина. Она явно на сносях. Офицер встает и предлагает ей сесть. Она его не замечает. «Прошу вас, садитесь», – говорит он. Женщина смотрит сквозь него будто его нет. «Прошу вас, мадам», – повторяет он с мольбой в голосе. Она продолжает не замечать его (В. Познер. «Прощание с иллюзиями»).

Непрямая демонстрация или скрытое игнорирование. Игнорирование может проявляться как в открытой, так и скрытой форме. Коммуникант делает вид, что не замечает или не слышит, как к нему обращаются, желая избежать неприятного общения, нежелательного разговора, встречи.

Приведем пример ситуации, где коммуникант игнорирует вопрос собеседника с целью избежать общения и имитирует внимание к другому объекту:

Парень выходит из комнаты, потому что повздорил со своей подругой. Мать его подруги сталкивается с ним в дверях.

У нее в руках тарелка с голубцами. Она удивленно спрашивает у дочери:

– *Что это с ним?*

– *Мам, я хочу голубцов (х/ф «Уравнение любви»).*

Демонстративное «незамечание», переключение внимания на другой объект, игнорирование – все это сигналы нежелания вступать в коммуникацию.

Таким образом, нами рассмотрена стратегия невступления в коммуникацию, включая тактики, используемые для ее реализации, такие как избегание коммуникации, молчание, демонстрация причин нежелательного общения, открытое/скрытое игнорирование.

ЛИТЕРАТУРА

Василик М.А. Основы теории коммуникации: учебник. – М., 2003.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград, 2002.

Межличностная коммуникация: теория и жизнь / под науч. ред. О.И. Матяш. – СПб., 2011.

Эпштейн М. Маленький человек в футляре: синдром Башмачкина-Беликова // Вопросы литературы. 2005. № 6.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бушнелл К. Все на продажу. – М., 2008.

Улицкая Л. Зеленый шатер: роман. – М., 2011.

Познер В. Прощание с иллюзиями. – М., 2012.

Чехов А. Рассказы. – М., 2005.

Meyer S. Twilight. – London: Little, Brown and Company, 2005.

ВИДЕОГРАФИЯ

Помни обо мне / реж. Г. Муччино; в ролях: Моника Белуччи, Фабрицио Бентивольо; Италия, 2003 г.

Уравнение любви / реж. Р. Кубаев; в ролях Наталья Антонова, Екатерина Волкова, Вадим Андреев; Россия, 2013 г.

© Гуляева М.А., 2013

Е.Н. ИВАНОВА

*(Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия)*

УДК 81'373.2

ББК Ш100.1

ПРИЕМЫ КРЕАТИВНОЙ НОМИНАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ НАЗВАНИЙ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ Г. ЕКАТЕРИНБУРГА)

Аннотация. Данная статья выполнена в русле ономаσιологических исследований. Выявляется специфика креативных приемов создания конкретных названий книжных магазинов как частный вид искусственной эргонимической номинации в современной языковой ситуации.

Ключевые слова: искусственная номинация, креативные приемы номинации, информативная и прагматическая функции языкового знака.

Актуальность выбранной темы определяется необходимостью изучения креативных техник обозначения городских объектов, широко представленных в современной искусственной эргонимической номинации. Достаточно полное и многоаспектное исследование специфики искусственной номинации в русской ономастике представлено М.В. Голомидовой [Голомидова 1998]. Ярким признаком этого вида номинации является сознательная деятельность субъекта при номинировании конкретных реалий.

Материалом для данной статьи послужили названия книжных магазинов или сетей книжных магазинов, имеющих представительства в г. Екатеринбурге, в том числе и некоторых интернет-магазинов соответствующего профиля. Выбор языкового материала для анализа обусловлен характеристиками объекта (книжный магазин), обладающего различными признаками, каждый из которых может быть положен в основу номинации. При этом степень креативности номинатора может быть различной. Как известно, обычной практикой является привлечение специалистов так называемой «креативной группы» для разработки концепции названия. Как правило, при этом принимаются во внимание и экстралингвистические факторы, влияющие на функционирование будущего онима.

Если сопоставить информативную и прагматическую (воздействующую) функции языкового знака (в данном случае эргонима), можно выявить некоторую закономерность: чем выше показатель информативной функции в названии, тем менее креативным выглядит название. Например: магазин «*Книги*» или «*Дом книги*». Эти традиционные названия обладают нулевой степенью креативности, но при этом максимально информативны.

Специфика эргонимической номинации заключается в том, чтобы выделить объект среди аналогичных торговых заведений, указав при этом в наименовании (языковом знаке) некоторые отличительные признаки обозначаемой «реалии» города и ее уникальность. Кроме того, обязательным условием функционирования такого эргонима является его узнаваемость среди членов некоторого сообщества. Например, в названии может содержаться указание на широкий ассортимент магазина – «*100 000 книг*», функциональную направленность магазина – «Учебная книга» (магазин специализируется преимущественно на распространении учебных изданий), непосредственную связь магазина с издательством – «*Питер Пабблишинг*» (издательство «Питер»), «*Третий Рим – Урал*» (ср. «*Третий Рим – Москва*»), где «Третий Рим» – название издательства, интернет-статус книжного магазина – «*Екатеринбук.ру*» и т.п.

Естественно, что не любое название можно расценивать как продукт креативной номинативной деятельности. Однако в большинстве случаев названия книжных магазинов создаются с помощью определенных номинативных приемов (техник), отражающих креативный подход к созданию именования.

Рассмотрим специфику креативных приемов номинации книжных магазинов.

Возможности **графики и орфографии** широко используются для создания оригинального, нестандартного эргонима.

Так, например, в названиях магазинов номинаторами часто используется латиница для передачи графического облика иноязычного слова: *Yes-book*, ср. англ. *book* – книга, а также для передачи иноязычного слова (в первой части) и одновременно русского (во второй части): *Babykniga* (ср. *baby* – малыш, ребен-

нок). Ср. название *Fkniga*, где вторая часть (русское слово) передается латинским буквами. Латиница при наименовании книжных магазинов практически не применяется в соответствии с современным российским законодательством, хотя в обозначении интернет-магазинов эта норма не является столь жесткой.

Использование кириллицы представляется также весьма разнообразным при создании названий книжных магазинов: для передачи топонима (первая часть названия) и одновременно иноязычного слова (вторая часть или второе слово): *Екатеринбук.ру*, *Пуитер Паблшинг* (ср. англ. *publishing* – публикация, издание). Чаще кириллица используется для передачи англоязычной лексики, но не только. Например, в названии магазина, специализирующегося на продаже юридической литературы «*Де Юре*», кириллическая запись восходит к латинскому выражению (ср. лат. *de jure* – по закону, т.е. юридически).

Следующий графический прием – использование чисел в названии: *100 000 книга*, *Книга 343* (343 – телефонный код г. Екатеринбург), т.е. магазин специализируется на продаже продукции региональных изданий. Также в названии магазина возможно использование графического элемента – маркера интернет-адреса или сайта (*.ру*): *Екатеринбук.ру*.

В названиях книжных магазинов отмечается такой креативный прием, как использование дефиса, совершенно не оправданное орфографическими нормами современного русского языка: *Читай-город*, *Форум-книга*. В некоторых случаях дефис используется правомерно и свидетельствует об иноязычном происхождении названия – *Дзен-гармония* (ср. традицию написания *дзен-буддизм* в русских текстах).

Креативным нам представляется прием слитного написания слов, что вызывает затруднение при сегментации данной единицы носителем русского языка: *Книгидеткам*. Такое необычное с точки зрения современной орфографии написание, безусловно, привлекает внимание и запоминается.

Лексико-синтаксические приемы в большей степени отражают мотивы и эрудицию номинатора.

Возможна образная номинация при создании названий книжных магазинов, в основе которых лежит метафора: *Книж-*

ный кит, Книжная поляна, Живое слово, Живая книга. Конечно, не любая метафора может считаться проявлением креативности номинатора, однако данные названия рассматриваются нами как обладающие все-таки минимальной степенью креативности в силу того, что они имеют некоторый образный ореол, сознательно заложенный при создании этих онимов. Как правило, этот прием проявляется в необычной для русского языка лексической сочетаемости компонентов эргонима.

Креативным потенциалом обладают, на наш взгляд, названия магазинов, содержащие прецедентные имена. В связи с этим приведем пример такого именования, зафиксированного среди книжных магазинов г. Екатеринбурга. В названии магазина интеллектуальной литературы «*Йозеф Кнехт*» фигурирует имя героя романа Г. Гессе «*Игра в бисер*» Йозефа Кнехта. Конечно, данный оним обладает креативностью только для посвященных читателей. Однако такой прием оценивается нами как не слишком распространенный в практике нейминга книжных магазинов.

Словообразовательные ресурсы также привлекаются номинаторами для создания оригинальных названий книжных магазинов. Например, иноязычная морфема *-бург* (аффиксоид, маркирующий названия населенных пунктов) неоднократно используется в разных эргонимах анализируемого типа: *Прессбург, Книгобург*. В данных примерах используется такой способ словообразования, как суффиксация, который акцентирует внимание потенциального клиента на значимости книготорговой деятельности в регионе и вызывает ассоциации с известными топонимами – Екатеринбург, Петербург и т.п.

Примером лексико-семантической контаминации топонима *Екатеринбург* и английского слова *бук* (англ. book – книга) является название книжного интернет-магазина «*Екатеринбук.ру*». В данном случае информативная функция не противоречит прагматической функции этого эргонима.

Самыми немногочисленными среди рассматриваемого ономастического материала являются **синтаксические приемы**, что, вероятно, объясняется сложностью синтаксических трансформаций в пределах названия, которое функционирует как номинативная конструкция.

Название сети книжных магазинов «*Читай-город*» в связи с синтаксическими возможностями в сфере наименования книжных магазинов является, на наш взгляд, самым нестандартным. Его можно интерпретировать следующим образом: исходным является побудительное предложение с обращением: *Читай, город!* Нарушение пунктуационного оформления, очевидно, можно рассматривать как своеобразный креативный ход номинатора: название магазина должно функционировать как номинативная единица, а не как синтаксическая. Кроме того, нужно учитывать прагматическую функцию названия, которое должно встраиваться в разговорную конструкцию, например: «Я зашел в «Читай-город». Был в «Читай-городе» и т.п.».

Использование предложно-падежной формы латинского языка (*de jure*) в названии специализированного книжного магазина «*Де юре*» также является единичным примером в системе названий книжных магазинов г. Екатеринбурга, демонстрирующим знание языка-источника и вписывающимся в классическую традицию обращения к латинизмам, если речь идет о названии подобного объекта.

Таким образом, следует отметить, что выбранная сфера онимов демонстрирует потенциальную возможность креативной номинации: из 50 названий большая часть (60 %) относится к некреативным («Книжная лавка», «Дом книги», «Уралмедкнига» и др.) или малокреативным названиям («Книгомир», «Фолиант» и под.). Среди названий книжных интернет-магазинов больше креативных номинаций. В номинации книжных магазинов и сетей книжных магазинов г. Екатеринбурга наиболее задействованной системой креативных приемов становится совокупность графических и орфографических, наименее разработанной – система синтаксических приемов. В некоторых случаях при создании названия книжного магазина номинатором используются разнообразные средства всех уровней языковой системы.

ЛИТЕРАТУРА

Голомидова М.В. Искусственная номинация в русском языке. – Екатеринбург, 1998.

© Иванова Е.Н., 2013

В.П. КОРОВУШКИН

(Череповецкий государственный университет,

г. Череповец, Россия)

ДЖ.О. ФАЛОДЖУ

(Университет Лагоса, г. Лагос, Нигерия)

УДК 811.92

ББК Ш106

ЛИНГВОКРЕАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НИГЕРИЙСКО-АНГЛИЙСКОГО ПИДЖИНА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНО-ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В НИГЕРИИ

Аннотация. В статье показаны некоторые возможности вербальной креативности носителей нигерийско-английского пиджина в современной социально-языковой ситуации в Нигерии, реализованные ими в речи и зафиксированные в субстандартных словарях и текстах.

Ключевые слова: лингвокреативность, вербальная креативность, социально-коммуникативная система, социально-языковая ситуация, билингвизм, диглоссия, пиджин, пиджинизация, пиджинизм, нигерийско-английский пиджин.

Рассматривая вербальную креативность носителей нигерийско-английского пиджина (NPE) в современной социально-языковой ситуации (СЯС) в Нигерии, реализованную ими в речи и зафиксированную в словарях и текстах, необходимо прежде уточнить используемые нами понятия и термины, которые составляют теоретическую концепцию В.П. Коровушкина [см.: Коровушкин 2002; 2005аб; 2008; 2009].

Прагматический материал для статьи [см.: Achebe 1966, 1987; Agheysi 1971; Babawilly, 2001; Roger, Mallam 2005] представлен Дж.О. Фалоджу – ученым-русистом из Нигерии, владеющим как английским, так и местными нигерийскими языками, в частности, йоруба.

Лингвокреативность определяется как творческая двусторонняя способность носителя соответствующего языка (1) создавать из заложенных в этом и других известных ему языках материальных средств и конструктивных механизмов новообра-

зования на всех лингвистических уровнях (фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом и дискурсивном), отвечающие действующей вариативной социолингвистической норме, и (2) реализовать эти инновации в процессе интеракции-коммуникации для построения социально-корректного высказывания, что совместно составляет и расширяет его языковую и речевую компетенцию. Отсюда, *вербальная креативность* – это вид лингвокреативности, реализуемый, прежде всего, на лексическом уровне, а затем, в процессе последующей деривации – на синтаксическом и дискурсивном уровнях, материализуемый в соответствующих языковых новообразованиях: в первую очередь, в формально и семантически производных словах (различных структурных типов, включая заимствования, гибриды и пиджинизмы), затем, в словосочетаниях (включая фразеологизмы), далее, в предложениях (включая паремии) и, наконец, в связных текстах, создаваемых в процессе их деривации. Здесь *деривация* – это выведение производной / результативной языковой единицы (деривата) из производящей / генеративной единицы. Как производящая единица, так и ее дериват могут относиться к любому уровню языка – от фонемы до текста. Между ними нет обязательной одноуровневости. Процессы создания дериватов изучает *дериватология*. Ведущий принцип дериватологии – представление о языке как об иерархически структурированной системе дискретных единиц, выводимых одна из другой при движении от нижнего языкового уровня к высшему или наоборот, или в пределах одного уровня. По языковому уровню деривата деривация и дериватология разграничиваются на (1) фонетическую, (2) морфологическую, (3) лексическую, (4) синтаксическую и (5) текстовую или дискурсивную. Лексическая деривация и дериватология охватывают словообразование, заимствование и лексико-семантическое словопроизводство. Синтаксическая деривация включает деривацию грамматико-синтаксических конструкций, словосочетаний и предложений, включая фразеологизмы и паремии. Процессы 3 и 4 и их результаты материализуют непосредственную вербальную креативность носителей НРЕ, рассматриваемую в данной статье.

Социально-коммуникативная система (СКС) – это все системно структурированные и упорядоченные языковые средства конкретного социума, обеспечивающие процесс интеракции-коммуникации его членов в соответствии с социолингвистическими параметрами общения и принятыми в обществе социолингвистическими нормами в конкретной СЯС.

Социально-языковая ситуация, как результат сбалансированного взаимодействия внеязыковых и языковых факторов, характеризуется следующими признаками, которые логически сводятся в три взаимосвязанных комплексных аспекта – социальный, лингвистический и функциональный, составляющих сущность этой сложного социально-лингвистического феномена: 1) *в социальном аспекте* языковая ситуация складывается как результат формирования и как одна из сторон социальной ситуации, в создании которой, а через нее и языковой ситуации, участвуют различные объективные и субъективные экономические, политические, этнографические и демографические факторы, наиболее сконцентрированно выраженные в языковой политике общества, а также в социальных установках, которых придерживаются в отношении языковых систем и подсистем члены соответствующих языковых и речевых коллективов; это дает основания рассматривать языковую ситуацию как СЯС, складывающуюся в пределах данного политико-административного и административно-территориального объединения людей и культурного ареала, в рамках этнической общности на конкретном этапе ее существования, во всех сферах общественной жизни каждого народа на данном этапе его исторического развития; 2) *в лингвистическом аспекте* СЯС – это обусловленная вышеназванными факторами совокупность всех национальных языков, их национальных вариантов и форм их существования, включая общенародный и литературный языки, территориальные и социальные диалекты, полудиалекты, говоры и наречия в их письменной и устной формах реализации, субязыки, жаргоны, арго и другие субстандартные языковые формы, пиджины и креольские языки, другие формы контактно-смешанных языковых образований, их отдельные системы и подсистемы; все эти формы существования языка могут рассматриваться как языко-

вые коды или субкоды, составляющие иерархически структурированную СКС соответствующего социума; 3) в *функциональном аспекте* СЯС выступает в виде статичной и динамичной модели социально-функционального распределения сосуществующих, взаимодействующих и взаимодополняющих друг друга СКС, их подсистем и элементов в континууме языковой социальной коммуникации во всех сферах общественной жизни в условиях билингвизма и диглоссии, с учетом специфики использования этих языковых образований и их элементов в речи, в зависимости от социолингвистических параметров коммуникантов и ситуации общения.

Билингвизм (или *дваязычие*) – это реализация контактов и смешения языков и культур, характеризующая СЯС, сложившуюся в пределах одного государства, и проявляющаяся в различном по степени владении функционально распределенными и дополняющими друг друга двумя языками, в их альтернативном использовании (кодовом переключении) в социально-речевом общении отдельных индивидов, социальных групп или всего общества в качестве единой комплексной иерархически структурированной СКС (с возможной интерференцией ее разноязычных элементов на фонетическом, грамматическом и лексическом уровнях) как средства интеракции-коммуникации в конкретной социально-речевой ситуации для построения социально корректного высказывания в рамках принятых в данном социуме норм речевого поведения для достижения целей коммуникативного акта (в устной и/или письменной форме) в соответствующей сфере общения.

Диглоссия – это разнообразная по сочетанию реализация контактов и смешения всех возможных в данный исторический период форм существования одного и того же национального языка и соответствующих субкультур единой национальной культуры данного народа, характеризующая СЯС, сложившуюся в пределах одного государства, и проявляющаяся в различном по степени владении функционально распределенными и дополняющими друг друга двумя и более гомогенными языковыми формами, в их альтернативном использовании (кодовом переключении) в социально-речевом общении отдельных индиви-

дов, социальных групп или всего общества. Эти диглосные языковые формы функционируют в качестве единой комплексной иерархически структурированной СКС (с возможной интерференцией ее подсистемных элементов на фонетическом, грамматическом и лексическом уровнях) как средства интеракции-коммуникации в конкретной социально-речевой ситуации для построения социально корректного высказывания в рамках принятых в данном социуме норм речевого поведения для достижения целей коммуникативного акта (в устной и/или письменной форме) в соответствующей сфере общения.

Пиджин – это системно структурированная автономная контактно-смешанная, или гибридная, форма существования языка, сложившаяся социально-исторически в результате торгово-экономических, военно-политических и этнокультурных контактов представителей неродственных, первоначально, метропольного (преимущественно, британского) и местного (аборигенного), позднее, различных индоевропейских и неиндоевропейских социумов и языков, не имеющая своей исконной языковой истории и своих исконных носителей, преимущественно устная, но также допускающая письменную фиксацию, генетически связанная, в большей степени с доминирующим языком-источником, первоначально господствующего, позднее – коммуникативно адресующего этноса, выступающим в роли языка-лексификатора, и в меньшей степени с языком-субстратом, первоначально подчиненного, позднее – коммуникативно адресатного этноса, выступающим в роли языка-модификатора. Пиджин характеризуется внутрискруктурными фонетическими инновациями, упрощенной грамматической системой, реализующей тенденцию к максимальному аналитизму, изоляции и частично агглютинации, и тематически ограниченной смешанной лексической системой, собственной социолингвистической нормой и достаточной коммуникативной способностью, обеспечивающей взаимопонимание в ограниченных сферах межэтнического общения. **Пиджинизм** – это фонетический, морфологический, синтаксический, лексический и семантический элемент структуры языка-пиджина. **Пиджинизация** – процесс формирования *пиджина*, проходящий 3 этапа: 1) *пиджин-жаргонизацию* –

создание *пиджиноподобных жаргонов* (неавтономных гибридных языковых форм) и *пиджин-жаргонизмов*, 2) *препиджинизацию* – образование *препиджинов* (полуавтономных гибридных языковых форм) и *препиджинизмов*, 3) собственно *пиджинизацию* – формирование *пиджинов* и *пиджинизмов*. Пиджин может развиваться в *креольский язык* – полностью автономную форму языка, сформировавшуюся на основе *креолизации* предшествующего пиджина и являющуюся, в отличие от него, родным языком для определенного языкового сообщества, языком, способным получить или получившим в процессе *декреолизации* статус национального и/или государственного языка с присущими ему социальными, лингвистическими и функционально-коммуникативными характеристиками.

Современная СЯС в Нигерии характеризуется, по мнению В.П. Коровушкина, *несбалансированным трехкомпонентным экзогlossenным состоянием*, проявляющимся в относительно неравноправном существовании и взаимодействии местных языков национальных меньшинств, региональных языков, языка-макропосредника, в качестве которого выступает, преимущественно, британский английский, функционирующий в его трех разновидностях – стандартной, нестандартной и пиджинизированной – NPE.

NPE отличается, по его же мнению, тем, что, как это будет показано ниже на примерах его вербальной креативности, английский и местные нигерийские языки, главным образом, йоруба, контактируя и смешиваясь, могут попеременно выполнять функции языков-лексификаторов и языков-модификаторов, но всегда при ведущей роли в этих процессах английского языка, преимущественно в его нестандартной, часто сленговой форме.

ПРИМЕРЫ ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТИ NPE

1. ПИДЖИНИЗМЫ-ИННОВАЦИИ НА ЛЕКСИЧЕСКОМ УРОВНЕ:

1) ПИДЖИНИЗМЫ-СЛОВА НА БАЗЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА-ЛЕКСИФИКАТОРА:

А) *пиджинизмы-существительные*: **Adonkia**: *I don't care attitude*; **Broda-broda**: *Nepotism* (< brother); **Buredi**: *Bread*; **Dem-dem**: *A group of people* (< them); **Dorti-dorti**: *Garbage*

(< dirty); **Fren-fren**: Favouritism (< friend); **Jin-jin-jin**: Party; **Phi-chemba**: *Physics, Chemistry, Biology*; **Salenza**: Exhaust pipe. (< *Silencer*); **Shockazoba**: *Shock absorber*; **Waka-waka**: A tramp (< walk);

Б) пиджинизмы-прилагательные: **Arrangee**: Exclusive; **Bow**: Surprised; **Catch**: Excited; **Chin**: Angry; **Corner-corner**: Illegal; **Cost**: Expensive; **Cuni-cuni**: Cunning; **Gen-gen**: Exciting (< generator); **Gra-gra**: Aggressive; **Innocenti**: Guiltless; **Jim-jim**: Over zealous; **Oda**: Other; **Quayet**: Quiet; **Queer-queer**: Useless; **Rofo-rofo**: Rough; **Sawa**: Sour; **Taya**: Tired; **Waya**: Wonderful (< wire);

В) пиджинизмы-глаголы: **Babar**: *Verb*. Cut hair; **Baze**: Woo a girl; **Block**: Defecate; **Blow**: Speak with arrogance; **Bobo**: Misinform; **Bosaut**: Burst out; **Broke**: Speak with big English words; **Comot**: Come out; **Coolu-down**: Simmer down; **Count**: Afford; **Dishi**: Embarrass; **Don**: Has; **Fap**: Steal; **Fence**: Exclude; **Kol**: Call; **Lai**: Lie; **Lef**: Leave; **Mek**: Make; **Mess**: Fart; **Sidon**: Sit down; **Waka**: Walk;

Г) пиджинизмы-наречия: **Afta**: After; **Bad bad**: 1. Severely; **Bifor-bifor**: Long time ago (< before); **Effa**: Ever; **Eniwe**: Anyway; **Everyday-everyday**: Daily; **Fain-fain**: Completely (< fine); **Fine-fine**: Extremely well; **Inside-inside**: Deep in the interior; **More-more**: In addition; **Proper-proper**: Very well; **Sam-sam**: Never (< some); **Small-small**: Gently; **Yonda**: Far away. (< yonder);

Д) пиджинизмы-числительные: а) количественные: **Wan**: One; **Won**: Two; **Tu**: Two; **One**; **Tri**: Three; **Faif**: Five; б) порядковые: **Sekon**: Second;

Е) пиджинизмы-местоимения: а) личные: **Man-picken**: Me; **E**: 1. He 2. She; **Dem**: 1. They; 2. Them; б) притяжательные: **Am**: him, her; **Awa**: Our; **Dia**: Their; **Mai**: My; **Ya**: Your; **Yua**: Your; в) возвратные: **Man**: Myself; г) указательные: **Dat**: That; **Dis**: This; д) вопросительные: **Eh**: What; **Wey**: Who; е) отрицательные: **Nada**: Nothing; **Natin**: Nothing; ж) неопределенные: **Anoda**: Another; **Efritin**: Everything; **Sontin**: Something;

Ж) пиджинизмы-артикли: **Di**: The;

З) пиджинизмы-предлоги: **For**: From; **Wit**: With;

И) *пиджинизмы-междометия*: **Ah-ah**: For goodness sake; **Haba!**: Good grief!; **Shoo!**: Wow!;

К) *пиджинизмы-частицы*: **Eh-eh**: No;

2) ПИДЖИНИЗМЫ-СЛОВА НА БАЗЕ МЕСТНЫХ ЯЗЫКОВ-ЛЕКСИФИКАТОРОВ:

А) *пиджинизмы – лексические заимствования из местных языков Нигерии*: а) *пиджинизмы-существительные*: **Akata**: An African American; **Apoti**: *Yoruba* word for small stool; **Boju-boju**: *Yoruba* word for ‘cover your eyes’. Deception; **Brekoayan**: *Yoruba* slang for Brassiere; **Corofo**: Army recruit; **Di-opka**: Elderly wise one; **Dudu**: Dark skinned person; **Egbe**: Fool; **Gboyen**: Fine girl; **Ikebe**: Bottom; **Jogba**: Trickery. *Urhobo* word; **Kudi**: Money; **Megida**: Big man; **Obrokotor**: Obese person; **Ofofo**: *Yoruba* word for Gossip; **Olofofo**: Gossip (*Yoruba* word); **Olopa**: Police officer; **Omoge**: Fine girl; **Opon**: *Yoruba* word for Crash helmet; **Owambe**: *Yoruba* word meaning it is there, denoting a lavish party with live music; **Pafuka**: Collapse; **Pololo**: Prostitute; **Poto-poto**: Mud; **Tokunbo**: (*Yoruba* word) Child born overseas; **Wahala**: Trouble; б) *пиджинизмы-прилагательные*: **Chukuchuku**: Thorny; **Helele**: Exceptional; **Jaga-jaga**: Haphazard; **Kakaraka**: Strong and stiff; **Kekere**: Small; *Yoruba* word; в) *пиджинизмы-глаголы*: **Dabaru**: Spoil; **Gwaince**: To eat; **Hanlele**: Start marching; **Nyanga**: Show off; **Shako**: *Yoruba* word meaning Show off; **Wak**: Eat; **Walahi**: Swear; **Yamutu**: Die;

Б) *пиджинизмы-гибриды с морфологическими заимствованиями (основ или суффиксов) из местных языков Нигерии*: **Ajebota**: One used to butter; rich spoiled kid (aje + bota < butter); **Babariga**: Large traditional robe worn by man (baba = Father in *Yoruba*); **Baler**: One who eats greedily (< bale «eat greedily» + cyф. -er); **Banga-soup**: Soup made from Palm tree fruit (< Banga: Palm tree fruit); **Boyi-boy**: Houseboy; **Chickito**: Young pretty girl (< chick «девушка» + cyф. -ito); **Chipeleke**: Cheap (< chip = cheep + cyф. -eleke); **Gba-summer**: Enjoy; **Gba winter**: Suffer; **Koboleg**: Bow leg (< Kobo: Nigerian coin); **Papa-lolo**: Dandy old man (< papa = old man); **Tinigboko**: Extremely thin individual (< tinig = thin).

2. ПИДЖИНИЗМЫ-ИННОВАЦИИ НА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ УРОВНЕ:

1) **ПИДЖИНИЗМЫ-ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ НА БАЗЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА-ЛЕКСИФИКАТОРА**: **Draw bodi take**: With-draw; **Enta market**: Go crazy; **Fa fa fa foul!**: That is totally objectionable (< far); **Fun won ton**: Dress very well; **Hear word**: Obey instruction. e.g. *you no dey hear word*; **Kick moto**: Turn car engine on; **Know book**: Intelligent; **Lai lai to lai lai**. Not in a million years (< lie); **Last year tori**: Old news (< story); **Leg no dey stay one place**: Restless (< dey = they); **Make I see road**: Get out of my face; **We no see yua brake light**: We haven't seen you for ages; **Wetin yua eye find go dia**: Mind your own business;

2) **ПИДЖИНИЗМЫ-ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ НА БАЗЕ МЕСТНЫХ ЯЗЫКОВ-ЛЕКСИФИКАТОРОВ (с лексическими заимствованиями из языков Нигерии)**: **Baba Jiga**: Derisory name for a person suffering from Jiga infestation; **Edikang Ikong**: Traditional Efik soup made with beef, stock fish, snails, crayfish, periwinkle, peppers, pumpkin leaves and onions; **Ewa Agoyin**: Street hawkers who sell cooked beans; **Fun won ton**: Meaning – Give dem finish. 1. To make a memorable entrance. 2. Dress very well; **Ko ko e se**: Trouser that barely reaches ankle; **Lahila Hilalau!**: Oh gosh!; **Lepa Shandy**: Slim (skinny) girl; **Oje marina**: Big lie; **Pkopo garri**: Dried Tapioca usually eaten with salt and ground nuts; **Tuwo Shinkafa**: Hausa meal made from mashed boiled rice and served with soup.

3. **ПИДЖИНИЗМЫ-ИННОВАЦИИ НА ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОМ УРОВНЕ: ТОЛЬКО ПИДЖИНИЗМЫ-ПАРЕМИИ НА БАЗЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА-ЛЕКСИФИКАТОРА**: **Cuni man die cuni man bury am**: It takes one to know one (**cuni** < cunning «хитрый»); **Di thing wey mai eye see, mi mouth no fit talk am**: Words fail me; **Eye go come down**: Come back to reality; **Man no die, man no rotten**: I am barely surviving; **Monkey dey work babon dey chop**: The workers don't partake of the harvest despite their hard work; **My own don betta**: My good fortune has arrived; **Na you we dey look o**: We look up to you; **Picken wey say im mama no go see, im sef no go sleep**: Admonition to disobedient child – «*You think you are giving me trouble but it's you who will suffer most*»; **Soup wey sweet na money kill am**: Good things cost money; **The thing wey happun**

for fowl haus dey happun for chicken haus: What's good enough for the goose is good enough for the gander. **Tori get many leg:** The situation has become complicated; **Trouble sleep Nyanga go wake am:** *You should have let sleeping dogs lie;*

4. ПИДЖИНИЗМЫ-ИННОВАЦИИ НА СИНТАКСИЧЕСКОМ УРОВНЕ:

1) ПИДЖИНИЗМЫ-СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ – АСПЕКТНО-ВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА: А) *Present Continuous*: **A de kom** (= I am coming); Б) *Past Indefinite*: **I kom** (= I came); В) *Future Indefinite*: **I go kom** (= I will come); Г) *Present Perfect*: **He don go** (= He has gone:);

2) ПИДЖИНИЗМЫ-ПРЕДЛОЖЕНИЯ РАЗЛИЧНЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ ТИПОВ: А) *повествовательные*: **Tif done take we money.** (= A thief has taken our money.); **We wan help poor people like you.** (= We want to help poor people like you.); Б) *вопросительные*: **Wetin you de chop for your own house?** (= What do you eat in your own house?); **Wetin dey worry you?** (= What is the problem?); В) *побудительные*: **Make you shut that your smelling mouth there, Mr. lawyer.** (Shut up your smelling mouth); **Make you go siddon!** (= Sit down!); **Tell me wan thing u done read.** (= Tell me one thing you have read).

Итак, носители NPE продуктивно реализуют его лингвокреативные возможности в создании нехарактерных для английского стандарта новых структурно отмеченных слов, фразеологизмов, паремий, а также в конструировании нестандартных инноваций для выражения временных и аспектных форм глагола и предложений различных коммуникативных типов. При этом как английский, так и местные нигерийские языки, преимущественно йоруба, выступают в деривационных процессах вербальной креативности и как языки-лексикификаторы, и как языки-модификаторы, хотя английский более активен в NPE на всех языковых уровнях в этих двух лингвокреативных функциях – лексифицирующей и модифицирующей.

ЛИТЕРАТУРА

Коровушкин В.П. Дериватологическая мысль в истории языкознания. Конспект лекций по спецкурсу: учеб. пособие. – Череповец, 2002.

Коровушкин В.П. Основы контрастной социолектологии: монография: в 2 ч. Ч. I. – Череповец, 2005а.

Коровушкин В.П. Основы контрастной социолектологии: монография: в 2 ч. Ч. II. – Череповец, 2005б.

Коровушкин В.П. Английский лексический субстандарт versus русское лексическое просторечие (опыт контрастно-социолексикологического анализа): монография. – Череповец, 2008.

Коровушкин В.П. Теоретические основы контрастной социолектологии: монография. – Череповец, 2009.

Achebe C. Man of the people. – New York, 1966.

Achebe C. Anthills of the Savannah. – New York, 1987.

Agheysi R.N. West African Pidgin English: Simplification and simplicity. – Ann Arbor, 1971.

Babawilly, 2001. Babawilly's Dictionary of Pidgin English Words and Phrases // <http://www.ngex.com/personalities/babawilly/dictionary/pidgina.htm>.

Roger B., Mallam D. A dictionary of Nigerian English Cambridge, 2005.

© Коровушкин В.П., Фалоджу Дж.О., 2013

Н.Н. КОШКАРОВА

*(Южно-Уральский государственный университет,
г. Челябинск, Россия)*

УДК 81'272
ББК Ш100.3

СПОСОБЫ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В НОВОСТНЫХ ЖАНРАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ОСВЕЩЕНИЯ СОБЫТИЙ АРАБСКОЙ ВЕСНЫ)

Аннотация. Статья посвящена анализу способов речевого воздействия в зарубежных средствах массовой информации при освещении событий Арабской весны. В частности описывается номенклатура средств речевого воздействия в новостных жанрах, информационным поводом которых является гибель ливийского государственного и военного деятеля Муаммара Каддафи.

Ключевые слова: конфликтный дискурс, речевое воздействие, Арабская весна, дихотомия «Восток-Запад».

Политические процессы и события, происходящие в арабских странах, тесным образом связаны с таким общественно-политическим институтом, как средства массовой информации. Последние, в свою очередь, представляют собой эффективный механизм воздействия на общественное сознание и манипулирования им в интересах тех или иных властных структур. И.А. Стернин [Стернин 2001] указывает, что в активно формирующемся в современном научном пространстве направлении исследований об эффективном общении выделяются следующие основные разделы:

- речевое воздействие в публичной речи, адресованной «живой» аудитории;
- речевое воздействие в межличностном общении;
- речевое воздействие в условиях массовой коммуникации.

В настоящей работе нас интересует третье из указанных направлений – роль и степень влияния средств массовой информации на геополитическую обстановку в регионе. Не стоит отрицать тот факт, что роли средств массовой информации на Ближнем Востоке посвящено немало работ. Среди последних

исследований хотелось бы отметить кандидатские диссертации О.В. Чернышенко «Политический процесс на Ближнем Востоке в современных средствах массовой информации» (2010) и Таксин Шарадги «Роль средств массовой информации в укреплении национальной безопасности Хашимитского Королевства Иордания» (2013).

Однако в указанных работах акцент делается либо на информационно-идеологической стороне освещения ближневосточных событий, либо на особенностях деятельности средств массовой информации отдельно взятой страны.

Отдавая дань вектору анализа, выбранному в качестве приоритетного в данных исследованиях, мы обращаем своё внимание на лингвистическую составляющую отражения событий Арабской весны в средствах массовой информации. Такой аспект анализа событий в арабском мире интересен ещё и с той точки зрения, что освещение революционных событий осуществляется на материале не только и не столько восточных средств массовой информации (Индия, Китай и др.), сколько на материале периодических изданий, выходящих на Западе (Бельгия, Великобритания, Франция и др.).

Дихотомия «Восток-Запад» является объектом исследования прежде всего социологических и философских наук, однако, тенденция к интеграции различных научных направлений не могла не отразиться и на изучении представления двух разных культур в языке. Эмпирическую базу нашего исследования составили материалы следующих западных и восточных средств массовой информации: «The Guardian», «The Telegraph UK», «The Financial Times», «The Independent» (Великобритания); «Paris Match» (Франция); «Defensa.org» (Бельгия); «EFE» (Испания); «Bloomberg», «CNN», (США), «Azzatyq.org» (Казахстан). Информационным поводом проанализированных материалов стала гибель ливийского государственного и военного деятеля Муаммара Каддафи.

В зависимости от степени конфликтности опубликованных материалов и их прагматического эффекта мы предлагаем выделить следующие функции новостных материалов, посвящённых анализируемому политическому событию:

- нейтральная констатация фактов;
- эмоциональное воздействие на адресата через оценку действительности;
- приглашение целевой аудитории к размышлению;
- упрёк и провоцирование через эксплицитное выражение на лексическом уровне.

Перечисленные функции вытекают из заголовков опубликованных материалов и созвучны задачам первых, выполняемым в газетном тексте и выделяемым в традиционной лингвистике: номинативная функция заголовка, информативная функция, рекламная функция, функция эмоционального воздействия, функция убеждения [Бухарев, 1971; Лазарева, 1989; Солганик, 1981]. Н.Б. Руженцева [Руженцева, 2012] выделяет ещё одну функцию заголовков применительно к межнациональному дискурсу – аксиологическую, которая направлена на формирование системы межнациональных ценностей. Приведём конкретные примеры реализации функций новостных материалов, посвящённых гибели Муаммара Каддафи.

Нейтральная констатация фактов. *Saif al-Islam Gaddafi 'trying to broker deal to surrender to ICC'. – Сын Каддафи пытается Международному уголовному суду // Gaddafi buried at dawn in secret desert grave as line is drawn under 42-year rule. – Каддафи похоронили на рассвете в тайной могиле в пустыне. // How Gaddafi Died: The Interim Prime Minister's Version – Как погиб Каддафи.*

Эмоциональное воздействие на адресата через оценку действительности. *Un effondrement psychologique. – Реакция на смерть Каддафи: психологический кризис власти // Liberation declared after Gaddafi's death. – Ливия празднует освобождение после смерти Каддафи // Chávez califica de «mártir» a Gadafi y dice que lo asesinaron. – Чавес считает Каддафи «мучеником» и заявляет, что его убили.*

Приглашение целевой аудитории к размышлению. *Where is Gaddafi's vast arms stockpile? – Где огромные запасы оружия Каддафи? // Behind Qaddafi's death: demographics? – Что стоит за смертью Каддафи – демографическая статистика? // Après la mort de Mouammar Kadhafi, quel avenir pour la Libye? – Что ждёт Ливию после смерти Каддафи?*

Упрёк и провоцирование через эксплицитное выражение на лексическом уровне. Тони Блэра упрекают в дружбе с Каддафи и бизнесе с Назарбаевым // *'Dictator' Putin may be nervous after Qaddafi death, McCain says.* – Маккейн: возможно «диктатор» Путин нервничает после смерти Каддафи.

Что касается непосредственного содержания анализируемых материалов, то сам информационный повод (гибель столь одиозной личности и диктатора, как Муаммар Каддафи) позволяет нам высказать мысль, согласно которой новостные жанры, центральной темой которых являются события Арабской весны, функционируют в рамках конфликтного дискурса. Под последним, в свою очередь, мы понимаем совокупность способов речевого воздействия, взаимодействие адресанта, адресата и целевой аудитории, совокупность речевых тактик и порождаемых речевых реакций, определяющих актуализацию национального и культурного опыта коммуникантов с установлением отношений определённой тональности (в случае конфликтного дискурса эти отношения будут носить деструктивный характер). К средствам реализации конфликтного дискурса в новостных жанрах, посвящённых событиям Арабской весны, мы относим:

- использование лексических единиц с агрессивным прагматическим потенциалом (*маниакальное стремление Каддафи; в противной, тошнотворной спешке*);
- употребление метафорических моделей с агрессивным прагматическим потенциалом (*Каддафи стал для кого-то просто тотемной фигурой*);
- применение тактики угрозы при цитировании мнений лиц, вовлечённых в освещаемые события (*«И напоследок передаю вам заявление Саифа аль-Ислама: он отомстит за отца, за его память», – добавил адвокат*);
- использование иронии как деструктивной разновидности юмора (*Как иронично подмечает британское издание «Телеграф», Тони Блэр, возможно, и потерял одного друга – диктатора полковника Муаммара Каддафи, в связи с его смертью, но нашел другого – самодержца Нурсултана Назарбаева, президента богатого нефтью Казахстана*).

Не вызывает сомнения тот факт, что номенклатура средств репрезентации конфликтного дискурса в средствах массовой информации может быть расширена в зависимости от а) жанра повествования о тех или иных событиях (политический комментарий, политическое интервью, конфликтный диалог-интервью) и б) от информационного повода, находящегося в основе того или иного сообщения в СМИ. В связи с ограниченностью объёма настоящей статьи мы выбрали материалом для анализа лишь материалы зарубежных средств массовой информации и только относящиеся к такому событию, как гибель Муммара Каддафи. К возможным перспективам исследования мы относим изучение освещения других событий Арабской весны и на материале других жанров.

ЛИТЕРАТУРА

- Бухарев Н.Е.* Структурное развитие заголовков. – Алма-Ата, 1971.
- Лазарева Э.А.* Заголовок в тексте. – Свердловск, 1989.
- Руженцева Н.Б.* Базовые ценности межнационального дискурса в заголовках первой русской газеты в Африке // Политическая лингвистика. 2012. № 4 (42).
- Солганик Г.Я.* Стилистика газетных жанров. – М., 1981.
- Стернин И.А.* Введение в речевое воздействие. – Воронеж, 2001.
- Чернышенко О.В.* Политический процесс на Ближнем Востоке в современных средствах массовой информации: дис. ... канд. политических наук. – Пятигорск, 2010.
- Шарадга Таксин.* Роль средств массовой информации в укреплении национальной безопасности Хашимитского Королевства Иордания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2013.

© Кошкарлова Н.Н., 2013

Е.Г. ТОНКОВА, И.Н. ТОКТАРОВА
(Марийский государственный университет,
г. Йошкар-Ола, Россия)

УДК 811.161.1+81'37
ББК Ш141.2-22

КРЕАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА ПОД КЛЮЧ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются смысловые преобразования профессионализма *под ключ* в рекламных текстах, а также семантические новации его употребления в языке печатных СМИ.

Ключевые слова: *под ключ*, семантика, профессионализм, фразеологизм, реклама, лексическая сочетаемость.

В русском языке «регулярно происходят смысловые переносы номинации и образуются переносные значения слов, которые возникают на основе ассоциативных связей между понятиями» [Шапошников 2012: 13]. Семантической трансформации подвергаются самые разные лексические единицы, в том числе и пришедшие в языковой стандарт (литературный язык) из профессиональной речи. Так, в последнее время наблюдаются интересные изменения в употреблении профессионализма *под ключ* в сфере рекламы.

В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой даётся следующее определение этого фразеологического выражения: «**Под ключ** (строить, сдать здание, строение) – в полной готовности. *Сдать дом под ключ*» [Ожегов, Шведова 2010: 278]. По нашему мнению, для более полного понимания смысла выражения следует учесть тот факт, что существительное *ключ*, входящее в его состав, имеет несколько значений. См.: **Ключ** – 1. Металлический стержень особой формы для отпираания и запираания замка. *Запереть на ключ. Подобрать ключи к кому-нибудь. (Перен.: найти подход к кому-нибудь).* 2. Приспособление для отвинчивания или завинчивания гаек, откупоривания, завода чего-нибудь. *Ключ для часов. Гаечный ключ.* 3. *Перен.* То, что служит для разгадки, понимания чего-нибудь, овладения чем-нибудь. *Ключ к шифру. Ключ к местно-*

сти (*господствующая позиция*; спец.). 4. Знак в начале нотной строки, определяющий значение нот (*спец.*). *Скрипичный ключ*. *Поэма написана в оптимистическом ключе* (*перен.*: звучит оптимистически). 5. Верхний камень, замыкающий свод сооружения (*спец.*) [Ожегов, Шведова 2010: 278].

Семантика фразеологизма *под ключ* обусловлена пятым словарным значением, имеющим помету *специальное*. Таким образом, смысл репрезентируемого фразеологического выражения предполагает, что какой-либо объект сдаётся полностью готовым в функциональном отношении, без неисправностей. В свете вышесказанного вполне корректным является использование профессионализма *под ключ* в следующих обнаруженных нами рекламных текстах: *Строительство «под ключ» и продажа: срубов, бань, беседок* (Из рук в руки. 2011. № 29); *Монтажные и отделочные работы «под ключ»* (Ваш Новый день. 2012. № 4); *Продажа, проектирование, монтаж «под ключ»* (Про Город. 2011. № 72); *Строительство из оцилиндрованного бревна «под ключ»* (Из рук в руки. 2011. № 27); *Фасады под ключ* (Ваш Новый день. 2012. № 4); *Мансарды «под ключ»* (Про Город. 2012. № 12); *Беседки «под ключ»* (Ваш Новый день. 2011. № 51); *Кровля под ключ* (Из рук в руки. 2011. № 30). Во всех приведённых текстах существительное *ключ*, входящее в состав устойчивого выражения, выступает в значении 'верхний камень, замыкающий свод сооружения', или символизирует нечто, заменяющее такой камень (например, бревно).

Однако в последнее время рекламодатели с целью убедить клиентов воспользоваться именно их услугами всё чаще употребляют выражение *под ключ* в несвойственных ему ранее контекстах. Как следствие, лексическая сочетаемость фразеологизма активно развивается. См., например, следующие рекламные объявления: *Ремонт и отделка любой сложности: квартиры, офисов, магазинов частично, а также «под ключ»* (Из рук в руки. 2011. № 9); *Ремонт квартир и офисов «под ключ»* (Стройка. 2011. № 2); *Натяжные потолки от 400 руб./кв.м «под ключ»* (Про Город. 2011. № 13); *Стоимость Под Ключ* (Стройка. 2010. № 2) [здесь и далее сохранены орфография и пунктуация рекламных объявлений]; *Цена «под ключ»* (Метро.

2011. № 2); *Супер цена «под ключ»* (Деловой акцент. 2011. № 78); *Окна пластиковые, балконы, лоджии «под ключ»* (Ваш Новый день. 2012. № 7); *Профессиональная замена труб. Ванная под ключ* (Про Город. 2011. № 12); *Сайты «под ключ» разработка, продвижение* (Про Город. 2011. № 18); *Кредитный бизнес «под ключ» готовый или новый* (Телесемь. 2011. № 45); *Автозапуск «под ключ» от 6200 руб.* (Метро. 2011. № 4); *Организация торжеств «под ключ»* (7 дней. 2010. № 8).

При соотнесении представленных нами примеров с пятым значением субстантива *ключ*, приведённым в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, необходимо сделать следующее замечание: верхний камень, замыкающий свод сооружения, кладут лишь при завершении всех основных строительных работ. В этом смысле логичным видится употребление рассматриваемого профессионализма в таких новых словосочетаниях, как *отделка помещений под ключ, ремонт под ключ, лоджии под ключ, балконы под ключ, окна под ключ, натяжные потолки под ключ, ванная под ключ*. Так или иначе во всех приведённых примерах рекламируемые услуги связаны с проведением цикла строительных или близких им, по сути дела, ремонтных работ. Ср.: *Пригласила мастера, чтобы сделал совмещённый санузел под ключ* (Марийская правда. 2013. № 14).

Однако в последнее время для большинства рекламодателей значение фразеологизма *под ключ* ('в полной готовности') наполняется новым смыслом. По мнению работников рекламной сферы, *под ключ* можно не только строить или ремонтировать, но и осуществлять от начала до конца абсолютно любую профессиональную деятельность. Поэтому в рекламных текстах стали привычными такие словосочетания, как *стоимость под ключ, цена под ключ, сайты под ключ, кредитный бизнес под ключ, автозапуск под ключ, организация торжеств под ключ* и пр. Таким образом, следуя определённой речевой моде, рекламодатели существенно расширяют рамки употребления профессионализма *под ключ*, ведь ключа ни в прямом, ни в переносном смысле нет ни у стоимости, ни у сайта, ни у торжеств.

Следует отметить, что в ряде случаев авторы рекламных текстов заключают исследуемое нами выражение в кавычки. Использование кавычек, с одной стороны, подчёркивает тот факт, что выражение **под ключ** в контексте имеет важный смысл (см., например: *Балконы «под ключ»: наружная, внутренняя обшивка; сварочные работы; полы (7 дней. 2013. № 29)*), с другой стороны, указывает на то, что фразеологизм выступает в переносном значении (см.: *Изготовление круглой печати «под ключ» 390 руб. (onepk.ru/izgotovlenie-pechatej.html. Дата обращения 29.11.2012)*).

Профессионализм **под ключ** благодаря своей высокой популярности в сфере рекламы трансформировался и в имя собственное: он стал названием бесплатного каталога товаров и услуг города Йошкар-Олы **«Под ключ»**. См.: *Я помню первые шаги изданий, которые мы выпускаем для йошкар-олинцев: это «Pro Город» и каталоги «Семья» и «Под ключ» (Pro Город. 2013. № 281)*.

Добавим, что язык рекламы сегодня выступает в качестве определённого образца, формирующего и закрепляющего приобретенные навыки речевой коммуникации. Активизация в рекламной речи фразеологизма **под ключ** привела к тому, что данное выражение, несущее новое содержание, всё чаще встречается и в современной прессе, например: *Работает продакшн-менеджером в компании, которая занимается организацией пиар-мероприятий и праздников. То есть готовит действие под ключ – от задумки до последней булавки в галстуке ведущего (7 дней (журнал). 2011. № 38); Без решения общего собрания собственников квартир семь наших жильцов самовольно захватили участок двора, отгородили себе стоянку под ключ, поставили шлагбаум (Ваш новый день. 2013. № 3) и др.*

На наш взгляд, вышеизложенное свидетельствует о том, что в сфере рекламы и – шире – бизнеса устойчивое выражение **под ключ** имеет большой и далеко не исчерпанный креативный потенциал, благодаря которому в последние годы интенсивно развивает свою лексическую сочетаемость.

ЛИТЕРАТУРА

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 2010.

Шапошников В.Н. Семантические преобразования в современном русском языке. – М., 2012.

© Тонкова Е.Г., Токтарова И.Н., 2013

И.Л. ЧИЖОВА

(Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, г. Нижний Тагил, Россия)

УДК 81'373.612.2=511

ББК Ш141.2-322+Ш141.2-51

ОСОБЕННОСТИ СЛОВОТВОРЧЕСТВА В РЕЧИ МАСТЕРОВ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОМЫСЛОВ СРЕДНЕГО УРАЛА (НА ПРИМЕРЕ МЕТАФОРИЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ)

Аннотация. В статье рассматриваются особенности метафорических номинаций в речи мастеров художественных промыслов Среднего Урала. Выявляются типы метафорических переносов и виды метафорических моделей, используемых номинаторами.

Ключевые слова: лексика уральских художественных промыслов, метафора, метафорические номинации, метафорический перенос, метафорическая модель.

Проблемы словотворчества постоянно привлекают внимание исследователей. Лингвисты обращаются к изучению особенностей словотворчества в детской речи, художественном дискурсе, различных профессиональных дискурсах – экономическом, спортивном, компьютерном и др.

Цель данной статьи – рассмотреть особенности словотворчества в речи мастеров уральских художественных промыслов (на примере метафорических наименований). Художественные промыслы Среднего Урала представляют собой яркую и самобытную часть общенациональной культуры русского народа. Тагильская роспись по металлу, резьба и роспись по дереву и бересте, каслинское литье, камнерезное искусство и др. вызывают интерес прежде всего у ученых-искусствоведов. В лингвистическом плане лексика художественных промыслов практически не изучена.

Нами предпринята попытка проанализировать метафорические номинации в речи мастеров, занимающихся росписью по металлу, а также росписью и резьбой по бересте и дереву. Мы рассматриваем лексику уральских художественных промыслов

как терминосистему, так как названия, входящие в ее состав, являются обозначениями специальных понятий, характерных для данной области, и образуют определенным образом организованную систему, используемую профессиональным социумом.

Метафорические номинации занимают в этой терминосистеме особое место. «Образование метафор представляет собой одно из важных проявлений фундаментального свойства мышления, лежащего в основе не только познания мира, но и номинации новых объектов, субъектов и процессов» [Ивина 2003: 65]. Создавая новый мотив, элемент, орнамент, мастер устанавливает образно-ассоциативные связи с уже существующей в действительности реалией и использует для их наименования готовые языковые средства. При этом в качестве способа познания окружающего мира выступает метафора.

Т.А. Подколзина подчеркивает, что «в любом национальном языке терминосистемы формируются с участием метафоры, хотя каждый национальный язык в этом отношении своеобразен» [Подколзина 1992: 92]. Следует отметить, что уже в Древней Руси «ремесленно-промысловая лексика формировалась на основе переосмысления бытовых (повседневных) слов, т.е. имело место семантическое терминообразование [Коготкова 1991: 13]. «Лексико-семантический способ образования характерен и для формирования разных отраслей русской профессиональной лексики XVIII–XIX веков» [Прохорова 1996: 7]. В результате метафорического переноса наименования образованы многие ремесленно-промысловые термины, зафиксированные в словаре В.И. Даля [Литвинов 1955: 86], термины архитектуры [Сычугова 2000: 331]. «За последние годы, – подчеркивает Л.В. Ивина, – интерес к метафоре еще больше возрос, поскольку роль метафорической номинации в терминообразовании вообще и особенно в создании терминологии новых областей знаний стала общепризнанным фактом» [Ивина 2003: 49].

Я. Парандовский писал: «Метафора выручает словотворчество – без метафоры словотворчество было бы обречено на непрерывное производство все новых и новых слов и отяготило бы человеческую память невероятным грузом» [Парандовский 1990: 158].

В речи мастеров уральских художественных промыслов доминируют метафорические номинации, основанные на зрительном восприятии, что объясняется особой ролью наглядно-образного мышления в процессе творческой деятельности. При этом основным типом метафорического переноса является перенос по *сходству внешнего вида* (формы, цвета, впечатления, производимого реалией на номинатора, местоположения). Метафорический перенос по сходству *формы и цвета* находит отражение в названиях:

1. Мотивов росписи по дереву, бересте и металлу:

а) цветов – *василек, гвоздика, георгин, ирис, купавка, мак, незабудка, орхидея, пион, ромашка, хризантема* и др.;

б) ягод – *брусника, виноград, вишня, ежевика, земляника, калина, клубника, клюква, костяника, крыжовник, малина, рябина, смородина, черника* и др.;

в) листьев – *крапивка*;

г) фруктов – *апельсин, абрикос, вишня, груша, персик, слива, яблоко* и др.;

д) деревьев и кустарников – *береза, ель, рябина, сирень, сосна*;

е) насекомых – *бабочка, комарик, муха, пчелка, стрекоза, шмель* и др.;

ж) птиц – *жаворонок, куропатка, курочка, орел, пава, павлин, петух, совишка, соловей, соловушка, орел, фазан, филин, фламинго* и др.;

з) животных – *белочка, верблюд, ежик, заяц, конь, кошка, лев, лисица, мышка, овца, собака, тигр* и др.;

и) человека – *барыня, всадник, купец, офицер, солдат* и др.

2. Композиций росписи – *букет, венок, ветка, гирлянда, корзинка, куст, сады* и др.

Переносом по сходству *формы* образованы многие названия, используемые мастерами подносного промысла:

2.1. Элементы росписи – *дуга, корень, жилки, прожилки, пестики, стебель, стебельки, травинки, травки, тычинки, усики, червячок* и др.;

2.2. Орнаменты росписи – *бабочка, веревочка, веточка, елочка, колокольчик, метелочка, пташечка, пиеничка, решето, сеточка, цепочка, ящерка* и др.

В эту группу входят и отдельные слова из других лексико-семантических парадигм данной лексики. Секторный поднос, в центре которого находится круг или овал из орнамента, называют *колодец*; основы для цветов и бутонов в букете – *шапки*. Толстая часть гусяного пера, в которую вставлялась кисть из волос беличьего хвоста, получила интересное название – *зорька*. В говорах Среднего Урала *зорька* – ячейка в пчелиных сотах [Словарь русских говоров Среднего Урала. Т. 1. 1964: 196]. Форма кисти после специальной обработки – *лопаточка* (по форме напоминает лопату). В последнее время, по свидетельству мастеров, появились новые виды мазка, которые получили интересные названия: *дельфинчик*, *балерина*, *червячок*. *Дельфинчиком* рисуют листья, по форме похожие на дельфина. *Балериной* называется мазок, при выполнении которого художник держит кисть вертикально, поэтому очертания мазка и напоминают края юбки балерины. *Червячок* – это волнистый мазок с точечным окончанием, похожий на червячка.

В речи резчиков по дереву и бересте метафорический перенос по сходству *формы* обнаруживается в названиях:

1. Узоров резьбы – *бусы*, *глазки*, *елочка*, *зубчики*, *кубики*, *кустики*, *лесенка*, *ноготки*, *решетка*, *ромбы*, *соты*, *треугольники*, *фонарики*, *чешуйка*, *цепочка*, *шашечки*, *шишечки* и др.;

2. Мотивов – *акант*, *амур*, *берегиня*, *грифон*, *дельфин*, *дракон*, *единорог*, *завиток*, *звездочка*, *лев*, *лось*, *медведь*, *олень*, *павлин*, *пеликан*, *рысь*, *тигр* и др.;

3. Элементов резьбы – *бусинка*, *глазок*, *ноготок*, *полулунка*, *ромб*, *спираль*, *треугольник* и др.;

4. Орнаментов – *венок*, *жгут*, *ремешок* и др.;

5. Резных украшений – *букля*, *дынька* и др.;

6. Выемок – *прожилки*, *поясок* и др.;

7. Пороков древесины – *завиток*, *кармашек* и др.;

8. Инструментов – *горбач*.

В некоторых случаях метафорический перенос по сходству формы осложняется метонимическим переносом по пространственной смежности. Сюда следует отнести названия резных украшений: *абажур* – часть наличника, расположенная над оконным проемом и напоминающая абажур у лампы; *гребень* –

украшение, представляющее собой длинную резную доску, проходящую сверху по коньку кровли дома; *кокошник* – резное украшение, напоминающее женский головной убор кокошник, которое также располагается наверху дома; *полотенце* – украшение в виде короткой резной доски, закрывающей стык причелин у окна.

Следующую группу составляют названия, где перенос осуществлен по *сходству впечатления, производимого реалией на номинатора*. Вид орнамента – *бегунок* – называют так потому, что он передает иллюзию движения, как бы бежит. Используя название *солома* для обозначения предварительного лакового покрытия подноса, мастера тем самым подчеркивают качество покрытия: неровное, с длинными продольными полосами. К этой же группе относится и название подноса – *колодец* (со значением: поднос с темной серединой и яркими краями). Розетку, лепестки которой загибаются в одну сторону, «вертятся», резчики называют *вертушкой*.

Еще один тип переноса – по *сходству местоположения*. Здесь прежде всего следует указать названия частей подноса – *дно*, *борт*, *бордюр*, а также частей кисти – *носик* или *носочек* (длинный кончик кисти), *пяточка* (короткий). Данный тип переноса представлен и среди наименований частей инструментов в резьбе по бересте и дереву – *носок* и *пятка* у ножа-резака, *шейка* у стамески, *подошва* и *ротик* у колодки рубанка.

В названиях веществ в подносном промысле – *лазурь*, *золото*, *серебро* – обнаруживается перенос по *сходству цвета*: *лазурь* – краска темно-синего цвета; *золото* (так мастера называют бронзовую пудру) – паста ярко-желтого, золотого цвета; соответственно *серебро* (алюминиевая пудра) – серебристого.

Как показывает проанализированный материал, в терминосистеме художественных промыслов Среднего Урала широко представлена метафоризация форм с уменьшительно-ласкательными суффиксами. Набор суффиксов, входящих в состав имеющихся деминутивов, достаточно разнообразен. Наибольшей продуктивностью обладает суффикс *-к-*. Он встречается в названиях элементов росписи – *стебельки*, *травки*, *жилки*, *полоски*; мотивов – *крапивка*, *рябинка*, *ящерка* и др.; ор-

наментов – *лапочка, решеточка, ягодка, елочка, веточка, пшеничка, метелочка* и др.; узоров резьбы – *чешуйки, шашечки, шишечки, змейка* и др. Далее по употребительности следуют номинации с суффиксами **-ик-**: названия узоров – *куличики, фонарик*, инструментов и их частей – *горбатики, носики, ротик*, мотивов росписи – *комарик* и др.; **-ок-**: названия инструментов – *стружок, уголок, стамеска-косячок*; элементов резьбы – *ноготок, глазок*; мазка – *червячок* и др.; **-ушк-** и **-ышк-**: мотивов росписи – *рябинушка, совушка, соловушка* и др., цветков – *солнышко*, листок – *перышко*, узоров – *сколышки*; **-очк-**: названия узоров – *звездочки, цепочки*, мотивов – *курочка, розочка*.

Остальные суффиксы представлены единичными примерами: **-чик-** – *дельфинчик* (название мазка), **-ешк-** – *украешки* (элементы росписи) и др. В некоторых случаях, наряду с уменьшительно-ласкательными, употребляются и нейтральные формы, например: *имелечек – имель, соловушка – соловей, рябинка – рябинушка – рябина, точечка – точка, стебельки – стебель, отводочки – отводки*. И те, и другие называют одну и ту же реалию.

Следует отметить, что употребление деминутивов является характерной чертой различных терминологий. Например, названия разных видов снежинок в метеорологической лексике – *звездочки, столбики, пушинки* и др. [Русский язык и советское общество 1968: 153], названия различных реалий в ботанической терминологии – *колоски* спороносные, *корешки* придаточные, *зонтик* ложный и др., архитектурной – *гирька, дынька, глазок, каблучок* и др. [Прохорова 1996: 96] и т.п. Рассматривая историю появления терминов *травы* и *травки*, С.Ю. Красильникова приходит к выводу, что формы с уменьшительно-ласкательным суффиксом *травки* и *травка* существовали наряду со словом *травы* [Красильникова 1997: 94].

По мнению В.И. Постоваловой, «...образ мира, формируемый в каждой из областей человеческой деятельности, есть отражение реальности через определенную призму мировидения, имеющую свой особый угол зрения» [Постовалова 1988: 36]. «Результаты последних исследований позволяют предположить, что метафора активно участвует в формировании личностной

модели мира, играет крайне важную роль в интеграции вербальной и чувственно-образной систем человека, а также является ключевым элементом категоризации языка, мышления и восприятия» [Петров 1990: 135].

В процессе номинации уральские мастера используют различные виды метафорических моделей.

• **Артефактные метафоры** – реалии художественных промыслов соотносятся с предметами, созданными в результате человеческого труда. Они в свою очередь разбиваются на две группы:

1) **бытовые метафоры** – перенос осуществляется по сходству формы, внешнего вида, месторасположения с предметами быта. При этом наблюдаются следующие основные типы переносов:

а) украшение или его часть – часть подноса: *бусинки*; композиция росписи: *венки, гирлянда*; орнамент росписи: *цепочка*; узор резьбы: *бусы, фонарики* (напоминают елочные украшения); резное украшение: *гребень*;

б) одежда или ее часть – элемент росписи: *петельки, пояска*; порок древесины: *кармашек*; орнамент резьбы: *ремешок*; выемка: *поясок*;

в) предмет домашнего обихода – орнамент росписи: *коромысло, метелочка*; резное украшение: *полотенце*;

г) сооружение – поднос: *колодец*; орнамент росписи: *решеточка*; узор резьбы: *лесенка, решетка*;

д) головной убор или его часть – резное украшение: *кошеник, очелье*; основы под цветы и бутоны: *шапки*.

2) **технические метафоры**: перенос осуществляется по сходству формы и внешнего вида с различными механизмами, устройствами, их частями, понятиями точных наук. Выделяются два основных типа переносов:

а) геометрическая фигура – элемент росписи или резьбы: *круг, точка, ромб, треугольник*;

б) часть механизма, деталь – поднос: *подшипник*; мотив росписи: *шестеренка*; элемент резьбы: *спираль*.

• **Зооморфные метафоры**, в основе появления которых лежит понятийная сфера «Мир животных».

При этом в качестве основного выступает следующий тип переноса: животное, птица, рыба, насекомое и т.д. – мазок: *дельфинчик, червячок*; элемент росписи: *червячок*; мотив росписи: *белочка, верблюд, ежик, заяц, конь, кошка, лев, лисица, мышка, овца, собака, тигр, ящерка*; *жаворонок, куропатка, курочка, орел, павлин, петух, птица-нава, совишка, соловей, соловушка, фазан, филин, фламинго*; *бабочка, божья коровка, комарик, муха, оса, пчелка, стрекоза, шмель* и др.; орнамент росписи: *бабочка, пташечка, ящерка*; мотив резьбы – *дельфин, лев, лось, олень, медведь, павлин, пеликан, рысь, тигр* и др.

• **Фитоморфные метафоры** – основанные на понятийной сфере «Мир растений».

Именно эта группа метафор оказывается наиболее многочисленной и разнообразной в речи мастеров тагильского подносного промысла; в речи резчиков фитоморфные метафоры не получили широкого распространения.

В данной группе наблюдаются следующие типы переносов:

1) растение или его часть (листок, цветок, плод и т.д.) – поднос: *одуванчик, ромашка*; элемент росписи: *корень, стебельки, травинки, травки, усики*; мотив росписи: *абрикос, аленький цветочек, анютины глазки, апельсин, астра, брусника, василек, виноград, вишня, гвоздика, георгин, гладиолус, груша, ежевика, земляника, ирис, калина, клубника, клюква, колокольчик, костяника, крапивка, крыжовник, купавка, мак, малина, незабудка, орхидея, персик, пион, тагильская роза, ромашка, рябинка, сирень, сказочный цветок, слива, смородина, сосна, хризантема, цветок-сказка, цветок-солнышко, шиповник, черника, яблоко* и др.; орнамент росписи: *веточка, елочка, колокольчик, пшеничка, травка, трилистник, ягодка*; мотив резьбы и росписи по дереву: *акант*; узор резьбы: *елочка, елочки, кустики, шишки, шишечки*;

2) часть цветка или листа – элемент росписи: *жилки, прожилки, пестики, тычинки*.

Из приведенных выше примеров зооморфных и фитоморфных метафор видно, что художники часто используют в качестве мотивов росписи образы «представителей» местной флоры и фауны (*брусника, колокольчик, купавка, клюква, ромашка, сосна, черника* и др., *белочка, ежик, заяц, лисица, совишка, ящерка*

и др.). Это объясняется природными особенностями жизни данного профессионального социума. С другой стороны, они стремятся расширить круг мотивов за счет введения новых, распространенных в других краях птиц, животных, цветов, плодов: *павлин, фазан, фламинго; верблюд, лев; роза, тюльпан, хризантема, георгин; виноград, апельсин, абрикос, персик*, а также создания фантастических, сказочных цветов, получивших соответствующие названия: *цветок-солнышко, цветок-сказка, сказочный цветок*. Неслучайно В.А. Барадулин характеризует тагильскую роспись как «разнообразную и живую, фантастичную и радостную» [Барадулин 1982: 18].

• **Мифологические метафоры** – реалии художественных промыслов соотносятся с образами мифологических персонажей (животных, птиц, людей).

Здесь следует привести названия мотивов росписи и резьбы: *птица-сирин, Хозяйка Медной горы, амур, берегиня, грифон, дракон* и др. *Берегиня, дракон, грифон, птица-сирин* являются древнейшими мотивами русского декоративно-прикладного искусства. В то же время, создавая новые мотивы и орнаменты, тагильские мастера подносного промысла учитывают и местную специфику. Появление на подносах *Хозяйки Медной горы* как символа богатства края объясняется влиянием сказов П.П. Бажова. А. Мейе утверждал: «нельзя понять язык, не имея представления об условиях, в которых живет народность, говорящая на данном языке...» [цит. по: Брутян 1991: 311].

• **Антропоморфные метафоры** представлены двумя типами переносов:

1) человек – мотив росписи: *барыня, купец, солдат, всадник, офицер*; мазок: *балерина*;

2) часть тела человека – часть инструмента: *носик, носочек и пяточка* – у кисти; *носок и пятка* – у ножа-резака; *подошва* и *ротик* – у колодки рубанка; *шейка* – у стамески; элемент резьбы: *глазок, ноготок*; резное украшение: *бровка, бровь*.

Появление антропоморфной метафоры связано «со способностью человека соизмерять все новое для него ... по своему образу и подобию» [Телия 1988: 182]. «Отождествление окружающего мира с человеком было и остается незаменимым

приемом в познании», – подчеркивает Э.А. Лапиня [Лапиня 1988: 142].

Как показывает проанализированный материал, степень продуктивности метафорических моделей, используемых номинаторами, является различной: в лексике резьбы по бересте и дереву преобладает артефактная метафора; в лексике росписи по дереву, бересте и металлу наиболее часто источником метафорической экспансии выступает семантическая сфера «Мир растений» и соответственно доминируют фитоморфные метафоры.

Приведенные примеры показывают, что процесс метафоризации осуществляется в сфере конкретной лексики, а это позволяет сделать вывод, что уральским мастерам свойственна конкретность образного мышления. Как отмечает К.И. Демидова, эта черта является характерной для носителей уральских говоров [см.: Демидова 1999: 226].

В настоящее время исследуемая терминосистема продолжает пополняться новыми номинациями, в основе которых лежит метафорический перенос наименований. Так, в речи тагильских мастеров подносного промысла появились примеры технических метафор: *шестеренка* – такое название получил мотив росписи *цветок-розетка*; *подшипником* назвали круглый поднос с широкими бортами, украшенными выбитыми шариками. Это можно объяснить, прежде всего, влиянием экстралингвистических факторов: современными социально-экономическими условиями жизни социума. В то же время продолжают использоваться фитоморфная, зооморфная и антропоморфная модели метафорической номинации. В качестве примеров можно привести названия новых подносов – *одуванчик*, *ромашка*; видов мазков – *дельфинчик*, *червячок*, *балерина*. Новый мотив росписи *Хозяйка Медной горы*, возникший под влиянием сказов П.П. Бажова, свидетельствует об интересе тагильских художников к истории родного края, их стремлении передать в своих произведениях местный колорит, что находит соответствующее отражение в процессах номинации. В.В. Виноградов писал: «История лексики тесно и органически связана с историей производства, быта, культуры, науки, техники, с историей общественных мировоззрений. Тут связь истории языка с историей

общественного развития обнаруживается непосредственно и всесторонне» [Виноградов 1977: 70].

«...название предметов, объектов окружающего мира на основе ассоциаций, – отмечает К.И. Демидова, – свидетельствует о наблюдательности, меткости, образности народного мышления. Выбор того или иного образа-мотива метафоры связан не просто с субъективной интенцией творца метафоры, но еще и миропониманием, мироощущением каждого отдельного человека и всего социума в целом» [Демидова 2003: 77]. И именно в названиях художественных промыслов, образованных метафорическим путем, наиболее ярко проявляются особенности миропонимания и мироощущения местных мастеров.

Анализ показал, что для метафорических номинаций, представленных в речи мастеров художественных промыслов Среднего Урала, характерны следующие основные особенности:

- широкое распространение метафор, в основе которых лежит зрительное восприятие реалии, что объясняется ведущей ролью наглядно-образного мышления в процессах художественной росписи и резьбы;
- различная продуктивность метафорических моделей, используемых номинаторами, которая обусловлена спецификой самого промысла и прежде всего характером предмета изображения;
- проявление в процессах номинации такой черты представителей данного профессионального социума, как конкретность образного мышления, характерной для носителей уральских говоров вообще.

ЛИТЕРАТУРА

Барадудин В.А. Уральская народная живопись по дереву, бересте и металлу. – Свердловск, 1982.

Брутян Г.А. Языковая картина мира // Теория познания: в 4 т. Т. 2: Социально-культурная природа познания. – М., 1991.

Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977.

Демидова К.И. Лексика уральских говоров как источник изучения русского менталитета // Язык. Система. Личность. – Екатеринбург, 1999. – С. 223–229.

Демидова К.И. О возможностях изучения русских народных говоров в когнитивном аспекте // Язык. Система. Личность. – Екатеринбург, 2003. – С. 73–79.

Ивина Л.В. Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминосистем (на примере англоязычной терминологии венчурного финансирования): учеб.-метод. пособие. – М., 2003.

Коготкова Т.С. Национальные истоки русской терминологии. – М., 1991.

Красильникова С.Ю. «Кадки... и столы травами писали...» Из истории появления терминов *травы* и *травка* // Русская речь. 1997. № 6. С. 91–96.

Лапина Э.А. Метафора в терминологии микроэлектроники (на материале английского языка) // Метафора в языке и тексте. – М., 1988. С. 134–145.

Литвинов М.И. Ремесленно-промысловая терминология в словаре В.И. Даля: дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1955.

Парандовский Я. Алхимия слова. Петрарка. Король жизни / пер. с польского, сост. и вступ. ст. С. Бэлзы; Ил. П. Сацкого. – М., 1990.

Петров В.В. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу // Вопросы языкознания. 1990. № 3. С. 135–146.

Подколзина Т.А. Метафора и типология терминосистем // Филологические науки. 1992. № 3. С. 90–100.

Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников [и др.]. – М., 1988. С. 8–69.

Прохорова В.Н. Русская терминология (лексико-семантическое образование). – М., 1996.

Русский язык и советское общество: Социолого-лингвистическое исследование. Лексика современного русского литературного языка / под ред. М.В. Панова. – М., 1968.

Словарь русских говоров Среднего Урала: в 6 т. Т. 1. – Свердловск, 1964.

Сычугова Л.П. Термины архитектуры метафорического происхождения // Язык. Система. Личность. – Екатеринбург, 2000. С. 331–334.

Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников [и др.]. – М., 1988. С. 173–204.

Г.М. ШИПИЦЫНА

(Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия)

УДК 811.161.1+81'276,1

ББК Ш141.2-7

ИННОВАЦИИ ДЕЛОВОГО СТИЛЯ В СВЕТЕ КРЕАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация: На языковом материале этических кодексов российских банков и компаний в статье рассматриваются нетрадиционные для делового стиля русского языка способы выражения мысли, не исключающие фактическую неточность содержания и прагматико-оценочных смыслов ради достижения результативности высказывания, с учетом ментальности адресата речи.

Ключевые слова: этический кодекс, креативный, картина мира, реципиент, корпоративная этика, поколения россиян, диалог мировоззрений, культурно-информационный разрыв.

В русской лингвистической традиции коммуникативная деятельность носителей языка всегда понималась как результат речемыслительных процессов, опирающихся не только на содержательные средства языка, но и на зависимость речевого акта от креативной деятельности человека в конкретных исторических, социальных, экономических, этнокультурных условиях жизни. В последние годы слово *креативный* вошло в активную часть лексического фонда современного русского языка, как можно судить по данным словарей. Оно не зафиксировано в исторических толковых словарях, в старых и новейших этимологических словарях русского языка, в толковых словарях современного русского языка последней четверти XX века, в том числе в БАС и МАС, и даже в большинстве толковых словарей XXI века. Например, во вполне авторитетном «Русском толковом словаре» В.В. Лопатина и Л.Е. Лопатиной (в 2006 г. Издательство «Эксмо», в серии «Библиотека словарей»), хотя в нем представлена, как написано на обложке словаря, «активная, наиболее употребительная лексика русского языка конца XX – начала XXI века». Нет его и в «Толковом словаре русского язы-

ка конца XX в. Языковые изменения» под редакцией Г.Н. Скляревой, 1998 года. Это заимствованное из английского языка слово активизировалось в употреблении в последнее десятилетие в связи с общим влиянием английского языка на словарный состав русского языка позднейшего периода. Слово *креативный* пополнило лексическую парадигму *созидательный, творческий, нестандартный, инновационный, эффективный, оригинальный*. Зафиксировано же оно в «Толковом словаре русского языка начала XXI века. Актуальная лексика» («Эксмо», 2006, под редакцией Г.Н. Скляревой), причем с примерами его употребления в изданиях СМИ XXI века (как известно, прежде всего в СМИ отражаются инновационные проявления языковой коммуникации).

Словом *креативный* сейчас обозначают оригинальные решения любых вопросов, обеспеченные созидательной деятельностью человека во всех сферах его творчества, в том числе и в сфере языковой коммуникации. Последняя из названных сфер обозначена детальной разработкой многих аспектов речевых инноваций, в частности, развитием целого направления лингвистики креатива, условно обозначаемой словосочетанием «языковая игра» (например, работы Т.А. Гридиной и её учеников [Гридина 2009; 2012]). Мы же в данной статье обратим внимание на конкретный факт проявления языкового креатива в новом жанре деловой документации – в этических кодексах российских банков и компаний, отражающих корпоративную культуру представителей современного российского бизнеса.

Этический кодекс – это особый жанр в новейшей текстовой культуре России, отражающий социальные роли участников деловых отношений в сфере бизнеса и банковского дела. Он создается с целью предотвращения конфликтных ситуаций и выполняет несколько функций, важнейшие из которых – управленческая, корпоративно-этическая и репутационно-рекламная. Конститутивные признаки этого кодекса характеризуют его как сложный прагматически нагруженный дискурсивный продукт с многослойным смысловым пространством. С одной стороны, его субъектно-адресатный полифонизм; внеличностный характер выражения смыслов с исключением интерперсональных от-

ношений коммуникантов; стремление сориентировать адресата на соблюдение принципов деликатного речевого и делового сотрудничества; приглашение адресата к кооперации действий и разделению якобы общих целей и ценностей между субъектом и адресатом документа. С другой стороны, обусловленность выбора средств выражения смыслов и прагматики текста ценностным аспектом сознания адресанта и особенно адресата речи в зависимости от продекларированных и теневых целей сообщения, от особенностей национальной картины мира, от особенностей российского менталитета, наконец, от общекультурного багажа и языковой компетенции коммуникантов. Лингвопрагматический потенциал этического кодекса представляет собой систему реализованных и потенциально возможных воздействующих на адресата смыслов текста, которые в большей или в меньшей степени актуализируются в различных фрагментах текста кодекса в зависимости от его жанровых особенностей, дискурсивно-речевой стратегии и коммуникативной тактики субъекта речи, обусловленных целевой установкой сообщения, характером деловых отношений между субъектом и адресатом речи, конкретными условиями и ситуацией общения.

Важный фактор, влияющий на лингвопрагматическое содержание этического кодекса, – это коммуникативно-целевая установка высказывания, или, в терминах дискурсивного анализа, иллюкутивная сила, которая с одной стороны, взаимосвязана с объективной действительностью, а с другой – обусловлена корпоративной картиной мира автора (авторов) текста кодекса.

Еще А.А. Потебня писал о том, что «слушающий может гораздо лучше говорящего понимать, что скрыто за словом, и читатель может лучше самого поэта постигать идею его произведения. Сущность, сила такого произведения не в том, что разумел под ним автор, а в том, как оно действует на читателя или зрителя, следовательно, в неисчерпаемом возможном его содержании» [Потебня 2003: 301]. С другой стороны, многочисленные исследования доказали, что речевая деятельность, как правило, в подавляющем большинстве случаев обусловлена неречевыми задачами. «Эффективность их решения является одним из важнейших критериев, по которому люди осуществляют выбор

языковых средств» [Иссерс 2006: 9]. Тексты этических кодексов, будучи порождением определенного типа речевой деятельности, безусловно, мотивируются неречевыми задачами, что в конечном счете обусловлено реализуемыми функциями языка и особенностями жанра текстов таких кодексов как семантически и прагматически нагруженной системы знаков. Коммуникативная функция языка как средства общения имеет две стороны, поскольку язык является не только средством мышления, но и средством взаимодействия человека с природой и обществом; при помощи языка люди не просто обмениваются информацией, но и регулируют исполняемые ими социальные роли.

Коммуникативно-целевая установка этических кодексов не является чем-то однородным и неделимым. Она складывается из самых разных составляющих, часть из которых формируется в глубинах сознания авторов как некая «закадровая» прагматическая сущность.

Изучив различные типы этических кодексов, мы пришли к выводу, что в основном они стандартны как по структуре, так и по выбору языковых средств выражения, поэтому всякое отклонение от сложившихся правил и стиля их создания останавливает на себе внимание. В частности, мы обратили внимание на одну фразу в тексте «Кодекса корпоративной этики открытого акционерного общества «Южный торговый банк» (<http://www.utb-gostov.ru/information/regulate>). А именно: *Кодекс корпоративной этики разработан на основе общепризнанных принципов и норм международного права, российского законодательства, традиций русского купечества и обычаев делового оборота*. Данная фраза участвует в реализации дискурса рекламного характера с целью создания привлекательного для клиентов образа своего предприятия.

Однако на фоне всех других этических кодексов этого типа весьма экзотично выглядит сочетание слов *традиции русского купечества*. Эти традиции не носили позитивного для клиентов и партнеров характера, были ужасными для членов купеческих семей. Это хорошо известно (казалось бы, – всем известно) по классической литературе, в частности, по высказываниям персонажей А.С. Пушкина и М. Горького, да и по высказываниям

многих людей того времени, зафиксированных в печати, в том числе и самих авторов, и особенно, конечно же, по пьесам А.Н. Островского, признанного знатока русского купечества. С учетом этих знаний словосочетание *традиции русского купечества* приобретает иное оценочно-эмоциональное наполнение, и оно, безусловно, в высшей степени негативное.

Однако этот вывод опровергают данные проведенного нами лингвистического анкетирования с элементами свободного ассоциативного эксперимента. Реципиентам разного пола, возраста и социального положения было предложено два вопроса и варианты ответов на них.

Вопрос первый: Какими были купцы дореволюционной России в деловых отношениях? Варианты ответа: а) честными, порядочными; б) уважали интересы клиентов, партнеров; в) плутами, обманщиками; г) аферистами, мошенниками; д) могли быть порядочными, если это не влияло на их доход; е) предложите свой вариант ответа.

Вопрос второй: «Откуда Вы получили знания о купцах?». Варианты ответа: а) из художественной литературы; б) из кинофильмов; в) из школьных знаний по истории; г) из рассказов старых людей; д) не помню, откуда; е) это моё мнение.

Информанты, принадлежащие к старшему поколению (люди 60–75 лет, всего 50 человек), охарактеризовали купечество традиционно, то есть как хищников, рвачей, стремящихся обогатиться любым способом, в том числе разбоем, убийством; купцы «надуют» любого, обчистят до нитки, поскольку они безжалостны в скаредности. Такие ответы составили 90 % от общего числа опрошиваемых. 10 % информантов ответили так: купцы, конечно, были плутами, но могли быть и порядочными людьми в отдельных случаях, если это не влияло на их доход. Представители этой группы информантов хорошо знают пьесы А.Н. Островского и поставленные по ним спектакли, читают и перечитывают роман В. Шишкова «Угрюм-река», помнят фильм с этим же названием, читали произведение В. Гиляровского «Москва и москвичи». В целом старшее поколение обладает общими фоновыми знаниями, сформированными на основе русской классической литературы, кинематографа советского пери-

ода и советской идеологии, резко осуждавшей стремление к приобретательству и обогащению. Похожесть ответов у информантов старшего поколения не случайна, ведь сознание человека сосредоточивает «весь ментальный опыт, усвоенный человеком за время его жизни и отражающий накопленные человеком впечатления, ощущения, представления и образы в виде смыслов, или концептов единой концептуальной системы» [Кубрякова 2004: 9].

Молодые люди, участвовавшие в анкетировании (17–25 лет, всего 50 человек), во-первых, мало знакомы или даже вовсе не знакомы с классической литературой, и, во-вторых, выросли в ином, нежели старшее поколение, социокультурном пространстве, воспитаны на других ценностях и принципах, в основе которых (как бы мы к этому ни относились!) – стремление к личному благосостоянию. Поскольку традиционные фоновые знания о купцах как социокультурной группе исторического прошлого России у них отсутствуют, то в ответах люди 17–25 лет исходили из собственного здравого смысла, который и определил индивидуальное содержание и прагматику их ответов. Для представителей современной молодежи купец – это, безусловно, положительный тип делового человека, грамотно ведущего дело в своем бизнесе. Для 95 % опрошенных купец – это человек, обладающий такими качествами: умеет «делать деньги» (и это главное, и это очень хорошо, по мнению реципиента), «чувствует» собеседника и может манипулировать его сознанием, способен совершать серьезные и даже опасные действия на благо своего дела, решительный и надежный человек. При этом реципиенты в возрасте до 25 лет допускали возможность проявления в деловом облике купцов доли безнравственности, неразборчивости в средствах достижения цели, однако и эти качества комментировались ими, скорее, как сопутствующие основным – хорошим – и даже как качества типичные, неизбежные, но вполне допустимые, воспринимаемые скорее нейтрально, чем отталкивающе.

Особенно интересны для нашей работы ответы информантов, сформулированные ими самостоятельно на конкретно поставленный вопрос. Один из самых типичных ответов: «Купец –

человек, умеющий общаться с людьми, оказывать на них такое воздействие, какое ему выгодно, и успешно решающий свои дела. И поэтому он преуспевающий и богатый человек» (Ксения Ч., 20 лет). Подобные примеры свидетельствуют о том, что в представлении молодежи купец – это, прежде всего, образованный и умный человек, способный манипулировать сознанием собеседника, а потому успешный в деле увеличения своего богатства, что очень хорошо во всех отношениях.

Возвращаясь к примеру *Кодекс корпоративной этики работников на основе общепризнанных принципов и норм международного права, российского законодательства, традиций русского купечества и обычаев делового оборота*, отметим, что авторы кодекса, видимо, хорошо знают круг возможных интерпретаторов этого текста. Молодое поколение не воспримет этот контекст отрицательно, а именно ему этот текст и адресован. С учетом романтического представления о морали прежней деловой и торгашеской сферы в современных условиях приведенная фраза о традициях купечества может сработать в нужном для авторов этического кодекса направлении. Подобные примеры свидетельствуют о нестандартных формах выражения мысли и в общем-то фактической неточности содержательной стороны фразы даже в деловой документации ради достижения результативности высказывания. Впрочем, возможно и другое: не исключено, что и авторы анализируемого этического кодекса имеют такое же представление о традициях русского купечества, как у наших молодых реципиентов, и такой же общекультурный багаж в сфере литературы и киноискусства.

Осмысливая результаты нашего опроса, мы также убедились в существовании информативно-культурного разрыва между поколениями современных россиян, и это объясняет трудности в диалоге мировоззрений у разных поколений. В общем и целом осмысление семантики и прагматики слова обусловлено осознанием коллективом носителей языка социально значимого содержания слова, сформированного общими для этого коллектива ассоциациями и представлениями, сложившимися в национальной картине мира. Нельзя отрицать того, что «существует общественно закрепленная семантика слова. Слово аккумулиру-

ет общественное, коллективное знание, которое наследуется благодаря языку» [Верещагин, Костомаров 1980: 298]. Однако в каждом конкретном случае осмысление лексического значения слова и его прагматического ореола определяется, прежде всего, индивидуальной или социогрупповой картинами мира, которые могут не во всем совпадать с общенациональной.

ЛИТЕРАТУРА

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. – М. 1980.

Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Известия АН. Серия литер. и языка. Т. 63. № 3. 2004.

Лингвистика креатива-1: коллективная монография / под общей ред. Т.А. Гридиной. – Изд. 2-е. – Екатеринбург, 2013 .

Лингвистика креатива-2: коллективная монография / под общей ред. Т.А. Гридиной. – Изд. 2-е. – Екатеринбург, 2012.

Потебня А.А. Теоретическая поэтика: учебное пособие. – М. 2003.

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М. 2006.

© Шипицына Г.Н., 2013

А.А. ЮНАКОВСКАЯ

(Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
г. Омск, Россия)

УДК 81'276.6+811.161.1

ББК Ш141.2-7

КОМПЬЮТЕРНЫЕ ЕДИНИЦЫ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ СРЕДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ Г. ОМСКА)

Аннотация. В статье представлен краткий анализ (в словообразовательном аспекте) компьютерных единиц, используемых в непрофессиональной среде жителями города. Предложенная автором интерпретация собранного материала показывает наличие русской составляющей при функционировании компьютерных жаргонизмов.

Ключевые слова: лингвокреативные возможности компьютерного жаргона, лингвокультурная основа преобразований, словообразовательные процессы и элементы.

С развитием электронных технологий наблюдается формирование терминологии, а также единого коммуникативного пространства – Internet.

На этапе активного внедрения англо-американской компьютерной терминологии в речи русских пользователей происходит 1) *фонетическая* и 2) *грамматическая* адаптация английской основы, 3) *семантическое* (смысловое) *калькирование* профессиональных единиц.

В первом случае происходит «переделка» исходного термина (так называемая *ассоциативно-фонетическая мимикрия*). Это: замена английского термина русским жаргонизмом на основе случайного внешнего фонетического сходства при полном расхождении смысла (**Горелые дрова**. Графический редактор *Corel draw*, **Мэйло** → **Мыло**. Электронное письмо (из англ. *mail* 'электронная почта'), **Намылить**. Послать сетевую почту *Netmall*, **Энурез**. Программа восстановления случайно стертых файлов *inerase* и т.п.), *фоносемантическое уподобление* на основе смыслообразующего технического понятия (**Алкоголик**. Программист, применяющий язык Алгол, **Макрушник**. Про-

граммист, работающий с макроассемблером, **Насильник**. Программист, использующий язык Си, и т.п.). В данном случае наблюдается *пейоративное переименование*.

Также возможна «игра звуками» (**Бима**. IBM (компьютерная фирма), **Диспл^юй**. Дисплей, экран ПК, **Шара**. Режим SHARE и т.п.). В ряде случаев используется вставка звука (**Чекк^{ист}**. Тестовая программа *Checkit*, **Цитрус**. Видеоплата *Cirrus Logic* и т.п.).

Во втором случае наблюдается *морфемная адаптация* с использованием английских корней и русских структурных элементов для образования жаргонных единиц (**Аржить**. Использовать архиватор *arj*, **Батенгнуть**. Набирать текст на клавиатуре (от англ. *button* 'кнопка'), **Засетупить**. Установить конфигурацию системы (SETUP), **Зипануть**. Использовать архиватор *zip*, **Коннектиться**. Связываться модемами (от англ. *connect* 'соединяться'), **Законнектиться**. Связаться и т.п.).

При образовании имен существительных на основе заимствований, обозначающих деятелей, наблюдается а) *аффиксация* английской основы (**Компьютерщик**. Специалист по компьютерным технологиям (от англ. *computer*), **Нетчик**. Участник всемирной сети Internet (от англ. *net* 'сеть, паутина' и т.п.), б) *замена* английских суффиксов на русские структурные элементы (**Модерун**. Управляющий эхоконференцией (ср. англ. *moderator* 'регулятор, посредник'), **Хелп^{арь}**. Помощник (от англ. *help* 'помогать', ср. *helper* 'помощник') и т.п.). Чаще всего используются малопродуктивные, «затухающие» суффиксы (элементы «старого качества» – термин О.А. Лаптевой [1974]), находящиеся на периферии русского языка.

Также в компьютерном жаргоне действует *особый вид аббревиации* («*телескопический* способ» – термин Е.А. Земской [1973]): включение начального элемента первого слова и конечной части второго, имеющих общий фонетический элемент (**Паскалянт**. Программист, работающий на Паскале+янт, ср. *дуэл-янт*, *пасквил-янт*), **Гейманутый**. Увлекающийся играми (*гейм*(ер) + (крз)анутый, (шиб)анутый 'человек со странностями' и т.п.). Здесь происходит «усложнение» за счет элемента, приносящего отрицательное значение.

Промежуточное положение между вторым и третьим случаями занимает *переводное заимствование*, при котором переносится ассоциативное значение и структурная модель слова или словосочетания. Это *калькирование* (**Быстроух**. Эхопроцессор *Fast Echo*, **Междумордие**. Интерфейс (англ. *Interface*), **Мелкомягкие**. Продукция фирмы *Microsoft*, **Окошки**. Операционная система *Windows* и т.п.), *фразеологическое калькирование* (**Батон волшебный**. Кнопка *magik button* компьютера ZX SPERTRUM, **Поюзать писюк**. Воспользоваться компьютером – от англ. *use* 'использовать', *PC* 'персональный компьютер' и т.п.), *гротескно-комическое «переименование»* исходного образа (**Бердан**. **Берданка**. Винт, жесткий диск; ср. **Винчестер**; **Овсянка**. Видеоадаптер Геркулес HGC, **Мозги** → **Склероз**. Оперативная память компьютера). В результате происходит «прояснение» исходного «образа», при котором новые единицы приобретают экспрессивно-оценочную окраску.

К третьему случаю можно отнести «*обыгрывание*» профессионального понятия-образа на основе использования ассоциаций (Операционная система **Windows** → **Окошки**, **Форточки**, которые нужно **Стеклит**, устанавливая *Windows*; **Камень**. Процессор, созданный на основе кристалла кремния; Программа-прозвончик *dialer* → **Долбило**, **Звонилка**, **Стучалка**; манипулятор типа *mouse* 'компьютерная мышь', **Мышь**, **Мыша**, **Мышатина**, коврик под мышку – **Подмышка** → **Тряпка** и т.п.). В данном случае имеет место «*игра наименованиями*». Также возникает *образная метафора* [Арутюнова 1978]. Например, при описании компьютера используются антропоморфные признаки (**Глаз**. Монитор, **Мозги**. Оперативная память компьютера, **Морда**. Передняя часть системного блока ПК, **Потроха**. Внутренняя начинка компьютера и т.п.).

В компьютерном жаргоне выделяется ряд единиц, отражающих активные действия человека при работе с «тонкими» технологиями. Это глаголы-интенсивы (**Дернуть**. Скопировать, **Закинуть на диск**. Записать информацию, **Крутить**. Архивировать файл, **Покоцать**. Удалить лишнее, отредактировать, **Потырить**. Скопировать, **Снести**. Удалить почту, **Свернуть**. Сжать файл, **Топтать**. Архивировать файл, **Хакнуть**.

Сломать компьютерную программу – от англ. *hack* 'разрубать' и т.п.). В результате формируется картина интенсивности виртуального мира. Здесь имеет место *метафора изображения*: создается представление о действии, динамике, т.е. семантически «обогащается» понятие того или иного признака. Формируется так называемая лексика «невидимых миров» [Арутюновой 1978].

В компьютерном жаргоне также представлено изображение виртуальных явлений образами живой природы. Так, для обозначения компьютерного вируса используется ряд зооморфизмов (**Живность**, **Зверь**, **Глист**, **Червяк** и т.п.), которые ассоциируются с мелкими живыми вредителями. Конкретные явления живой природы помогают формированию тех или иных характеристик, атрибутов компьютерной технологии (**Жук**. Вентилятор, охлаждающий процессор в персональном компьютере; **Гусь**. Музыкальный адаптер; **Утка**. Цифро-аналоговый преобразователь и т.п.). Также представлены случаи звукоизображения (**Жужжать**. Связываться модемами, **Шуршун**. Вентилятор и т.п.). Основанием для переноса служит звуковая ассоциация: подражание действию насекомых.

При образовании жаргонизмов наблюдается привлечение «образов» русской культуры: **Алтын**. Дисковод 3.5 дюйма (*алтын* '3 копейки 6 денег 12 полушек'), **Блин**. Компакт-диск, **Емеля**. Электронный адрес (от англ. *E-mail*), **Пятак**. Дискета 5,25 дюйма, **Баба-Яга**. Графический адаптер EGA и т.п.). Происходит своеобразный «возврат» (обращение) к единицам, относящихся к «культурному» лексикону. При этом не происходит «докомплектования» значения именуемого предмета, «обыгрывания» образа, понижения его статуса.

В приведенных примерах у предметов наблюдается получение характеристик через признаки другого класса. При этом компьютерным явлениям (виртуальным процессам) присваиваются имена, возникающие на основе аналогии с объектами, доступными чувственному восприятию.

В компьютерном жаргоне также функционирует ряд единиц, традиционный словообразовательный анализ которых затруднен: **Бжичек**. Встроенный динамик, **Бутявка**. Загрузочная

(системная) дискета, **Забузолить**. Вставить диск, **Марахайка**. Прикладная программа к персональному компьютеру, **Му-му**. Мультимедиа, **Поряпать**. Удалить что-либо из компьютерной программы и т.п. Они, оформленные как представители определенных грамматических классов слов, употребляются в качестве эмоциогенных знаков, прикрепленных к определенной ситуации. Это единицы с «парадоксальной внутренней формой» (термин Т.В. Матвеевой [1986]), которая и является средством создания экспрессивности.

Итак, на определенной стадии использования электронных технологий происходит расширение социальной базы, которая осваивает терминологию и приспосабливает ее под свои нужды. Наблюдения показали, что в компьютерном жаргоне, основанном на англо-американских понятиях, термины и их элементы функционируют не в «чистом виде», а происходит уход от «билингвизма»: постепенно формируется фонд компьютерных жаргонизмов на основе существующих в русском языке традиционных моделей и аффиксов, нетривиальных способов образования единиц. В результате наблюдается «уход» от международной терминологии, языковой культуры «замкнутого» социума (профессиональной группы) к более «открытой» на национальной основе. В компьютерном жаргоне (как и в других подсистемах общерусского языка) также происходит присвоение объектам «чужих» признаков. Расширение предметной области происходит за счет использования принципа антропоморфизма и зооморфизма.

Многолетние наблюдения показали, что по мере развития электронных технологий наблюдается расширение границ применения компьютерного жаргона, единицы которого начинают «вписываться» в городскую разговорную сферу. Данную разновидность речи можно воспринимать как «артефакт», в которой человек присутствует как активный деятель, переделывающий «компьютерное пространство» (в том числе и языковое) под обиходно-бытовое сознание, выражает субъективное мнение о предмете речи с помощью определенного набора словообразовательных моделей и средств.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Н.Д. Функциональные типы языковой метафоры // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – М., 1978. Т. 37. № 4. С. 333–343.

Земская Е.А. Словообразование. – М., 1973. С. 227–240.

Лаптева О.А. Нормативность некодифицированной литературной речи // Синтаксис и норма. – М., 1974. С. 5–42.

Матвеева Т.В. Лексическая экспрессивность в языке. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1986.

© Юнаковская А.А., 2013

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК СФЕРА ЛИНГВОКРЕАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Г.А. АВДЕЕВА

(Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, г. Нижний Тагил, Россия)

УДК 821.161.1 (Щербакова Г.)
ББК Ш5(2Рос=Рус)6

СТИЛИСТИЧЕСКИ МАРКИРОВАННАЯ (ОКРАШЕННАЯ) ЛЕКСИКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Г. ЩЕРБАКОВОЙ

Аннотация. Исследуется вопрос функционирования стилистически маркированной лексики в художественных произведениях на примере двух повестей Г. Щербаковой. Обращается внимание на то, что стилистически окрашенная лексика в анализируемых произведениях используется не только как средство речевой характеристики персонажа, но и как средство усиления экспрессии авторской речи. Стилистически окрашенные лексемы в произведениях Г. Щербаковой приобретают особый символический смысл.

Ключевые слова: стилистически маркированная (окрашенная) лексика, функционально стилистически окрашенная лексика (книжная, разговорная), жаргонная лексика, эмоциональная, оценочная лексика.

Известно, что «языку художественной литературы присущ синкретичный характер состава, или набора, языковых средств литературного языка с точки зрения их стилевой принадлежности, экспрессивно-стилистических признаков» [Стилистика и литературное редактирование 2004: 128]. Язык художественной литературы может использовать и внелитературные элементы: просторечие, диалектизмы, жаргонизмы, окказионализмы, варваризмы (иноязычные вкрапления) и др. При этом «все привлекаемые автором языковые средства, приемы, способы их использования должны быть мотивированы не только с точки зрения коммуникативной, т.е. элементарно поняты адресатом тек-

ста, но и в эстетическом отношении» [Стилистика и литературное редактирование 2004: 129].

Особую роль в художественных текстах выполняют разнообразные группы так называемой «сниженной» лексики: разговорной, просторечной, диалектной, жаргонной. Так, например, разговорная и просторечная лексика в художественной литературе используется для создания словесного портрета, для реалистического изображения быта той или иной социальной среды, в авторском повествовании служит средством стилизации, при столкновении с элементами книжной речи может создавать комический эффект.

В последние десятилетия, как отмечают многие исследователи, резко изменились условия функционирования языка. Современная публицистика, художественная литература и даже околонулевная литература характеризуются повышенным интересом именно к «низовым» пластам лексики: к просторечию, жаргонизмам. Социальные сдвиги нашего времени приводят к известному «расшатыванию» традиционных литературных норм. Это выражается прежде всего в росте ненормативных вариантных элементов, возникающих под влиянием просторечия, диалектов и жаргонов, в обилии иностранных слов и терминов и, наконец, в стилистическом снижении современной устной и письменной речи, в заметной вульгаризации не только бытовой, но и публичной сферы общения. Кроме того, «причудливые смешения разнородных стилистических средств» ... «стали в наши дни неиссякаемым источником наипростейшего и незатейливого удовлетворения конструктивной жажды экспрессии в текстах масс-медиа, из которых распространяются на все наше языковое существование – «незаконно», заразительно, развращающе и угрожающе. Корни этих процессов, несомненно, в «карнавализации» российской жизни на рубеже тысячелетий, что отражается в языке, иной раз даже гиперболически» [Костомаров 2005: 234].

Современная художественная литература отражает отмеченный исследователями процесс «карнавализации», а также тенденцию к всеобщему «огрублению» речи людей самых разных социальных слоев. Вот и героини современной женской

прозы, представителем которой является Г. Щербакова, не отстают от мужчин в грубости, агрессивности.

Цель данной статьи – проанализировать, какие пласты стилистически маркированной лексики представлены в произведениях Г. Щербаковой и каковы их функции в анализируемых текстах. В качестве материала исследования нами выбраны две повести Г. Щербаковой «Три любви Маши Передреевой» и «Митина любовь». Они написаны примерно в одно время (1996, 1997), главные их героини – женщины, наши современницы. Кроме того, повести насыщены стилистически маркированной лексикой, в основном, «сниженного» стилового регистра.

Показательно, что и в том, и в другом произведении автор или рассказчица («Митина любовь») сознательно дают оценку речевому поведению героев, стилистически маркируют это поведение (или свое поведение): «Нюся, давайте по-хорошему. – *Мать вела себя образцово. Но Нюся всхлипнула, назвала их непечатно и захлопнула дверь*» («Три любви Маши Передреевой»). (Все цитаты даются по изданию [Щербакова 2012]; все выделения курсивом, кроме особо отмеченных случаев, мои – А.Г.) «Из меня так и *прут* украинизмы детства, которые можно вырвать только с кровью». «Я тогда тащи́лась по улице... Я *тащи́лась* (выделение автора Г. Щербаковой) в старом смысле этого слова, в смысле еле-еле шла, едва передвигая ноги, а не пребывала в состоянии восторга (*кайфа*) или наслаждения» («Митина любовь»). Героиня-повествовательница противопоставляет старое значение «разговорное» – новому «жаргонному», тем самым указывая на возрастные различия (себя и нового поколения, которое представляет ее дочь).

В каждой повести есть центральный персонаж, показанный во взаимодействии с другими героями. Но если в «Митиной любви» повествование ведется от первого лица (даже имя героини-повествовательницы остается неизвестным), то в другой повести «Три любви Маши Передреевой» читатель воспринимает описываемые события как бы через призму восприятия Маши – центрального, стержневого персонажа: произведение строится как своего рода объективированный поток сознания героини.

Характер Маши раскрывается в отношениях с разными людьми, в первую очередь с собственной матерью. При этом Маша почти всегда говорит с матерью в уничижительной манере. Она своими словами подчеркивает презрительное отношение к матери, к ее образу жизни и «происхождению», к тому факту, что мать Маши долгое время прожила в бараке: «Мать же – *черноротая*. Барак есть барак. Сказывается. Маша спокойно пройти мимо него не может. Даже если цветет сирень – а барак стоит весь в сирени, – все равно от него дух... запах Барака Как Такового».

Барак становится для Маши символом бескультурия, нищеты – символом всего того, от чего она яростно хочет отделиться, но при этом связь с чем она не может прервать. Возникает некий раздвоенный образ Маши – той, которой она хочет казаться и которой она иногда пытается быть, и той, какая она на самом деле (не лучше, не интеллигентнее собственной матери). Лучше всего эта двойственность проявляется за счет стилистического контраста – смешения в речи героини «правильных» («интеллигентных») слов и грубой сниженной лексики, которую сама Маша как будто и не замечает.

Противопоставляя себя матери, Маша подчеркивает, что она абсолютно другая. Так, например, Маша осуждает мать за то, что та «матерится до самых черных слов»: «Маша считает – последнее дело. Сама она – ну, *зараза*, *дурак*, ну, на крайний случай, *падло* – больше ничего не скажет. И не то что запрещает себе. Нет, просто слова эти у нее во рту не появлялись. Маша считала себя этим выше матери. *Маша вообще считала себя интеллигенткой*. Со старыми женщинами здоровается первой, с мужчинами – никогда. «*Спасибо*», «*пожалуйста*» вставляет в речь регулярно. Пальцем на предметы не показывает, и вот – *не матерится*».

Маша ощущает себя чуть ли не борцом за чистоту языка, не замечая, что эти ее *зараза*, *падло*, *сроду* и т.п. слова нисколько не лучше материнского мата. Очень показательна ее реакция на полуласковые, полуоскорбительные определения ее первого «клиента»: «– Ах ты *сотняжечка периферийная*! Ах ты *телочка бодатая*! «Телочка» – ей не понравилось. Напоминало коров-

ник. Между делом, не раскрывая имени-фамилии, она сказала, что нечего болтать, *она из культурной семьи. Сроду* никаких коров там, коз не держали». Просторечное «сроду» выдает подлинную, далеко не интеллигентную сущность героини, как бы та ни старалась изображать «всю возможную приветливость» перед тетей Шурой или произвести хорошее впечатление на будущую свекровь (какой хочет видеть Нюсю Маша): «...Витя обещал жениться, можете его спросить, но я вам скажу – не очень и *навязываюсь*. Просто я честно пришла вам сказать. *Ваша кровь во мне теперь уже живет...* Эту фразу Маша *придумала* еще вчера, когда мать уехала».

В этой расчетливости, продуманности вся Машина натура. Она и Виктору пишет такие же фальшивые продуманные письма: «Витя, привет. Как тебе служится, как тебе дружится, мой *дорогой солдат*? Напрасно ты ничего не пишешь, *это тебя плохо характеризует...* дочка получилась *ненаглядная красавица...* Я ее записала на тебя, так что имей в виду. Будешь скандалить – будет хуже. В конце концов мы с тобой комсомольцы, а комсомол никто не отменил. Попробуй через него перешагни, когда будешь устраиваться на работу или учебу...» Фальшивая ласковость сочетается с угрозами. Живое любованье дочерью перемешивается с казенными фразами-штампами: «плохо тебя характеризует». И последняя фраза письма очень показательна: «Смотри, Витя, не *опозорься* своим *отношением к женщине и ребенку*». Эмоциональное «опозориться» соседствует с каким-то обезличенным официальным отвлеченным выражением. При этом сама Маша очень довольна своим письмом, она даже не чувствует его фальшивости, неискренности. «Она и сочинения хорошо писала, не стандартно, всегда находила человеческие слова».

Маша в повести показана девушкой грубой, жестокой, не упускающей шанса осуществить свои мечты (легко разбогатеть любой ценой, в том числе продавая свое тело). Она готова идти по головам, шагать через всех, кто стоит на ее пути. Она не жалеет ни свою мать, ни мать солдата, который ее (Машу) любил. Врет Нюсе, что беременна от ее сына, чтобы обеспечить жизнь себе в хорошем, богатом доме с дочкой от «неудачного опыта заработать».

В целом лексика, характерная почти для всех персонажей повести, отличается сниженным характером: преобладает разговорная и просторечная лексика с вкраплениями жаргонной. Частотны разговорные и просторечные частицы: *ну, аж, уж, угу*, междометия: *ух, ах*, некоторые звукоподражания: «не уснешь от этого *у-у-у, а-а-а*»; редуцированные формы приветствий: *здрасьте*; нечленимые высказывания, характерные для спонтанной разговорной речи: *Чего ради? Еще чего! Ну их к черту!* Активно используются разговорные и просторечные фразеологизмы, устойчивые выражения: *Ни в бога, ни в черта; к чертям на кулички; подвести под монастырь* и т.п. Все эти явления свойственны любой устной разговорной речи. Но речь героев Щербаковой отличает повышенная эмоциональность, ненормативный характер, грубая экспрессия, что проявляется в использовании ненормативных просторечных форм (ненормативных произносительных вариантов): *могет, партейная, голяком, таща, плодят, померло бы дите, привлеча, погожу* и т.п.; жаргонизмов: *фраер, лярва*; ненормативных образований: *голость* (обнаженное тело), *сотняжечка, бодатая, черноротая, языка-тая, квадратный, треугольный идиот, пальчата* (маленькие пальчики) и т.п.

Для речи практически всех персонажей (прежде всего героинь) характерно использование негативной оценочной лексики: пренебрежительной, презрительной, иронической, бранной и т.п.: *стерва, сучка, да подавись ты, облапошить, дурак, потроха, быдло, дерьма-пирого, заорала, трепачи, паразиты, сволочи, гады* и т.п. Показательны и авторские ремарки, сопровождающие высказывания героев или даже замещающие их: «с сарказмом спросит ее Маша»; «и будет *орать*, наливаясь краснотой»; «И *закричала* высоким криком»; «Они *кричали* матери все *известные им слова простой русской речи*».

Повышенная негативная эмоциональность, постоянный крик, взаимное раздражение – ведущий лейтмотив речи персонажей. Тональность может меняться только искусственно, когда та же Маша преследует какие-то меркантильные цели (см. примеры выше), либо в ситуации общения с ребенком. При этом положительные эмоции дочь Маши – «куколка» – вызывает у

всех: и у матери Маши («к девочке, внучке – *со всей нежностью*»: «Ах ты, *куколка* моя! Ах ты, *цыпочка*! Ах ты, *цветочек мой драгоценный!*»), и у самой Маши (правда, она собой больше любит: «И куколка ее вся *розовенькая*, в *кружавчиках*, ну просто рисуйте с нас картину»), и, наконец, у Нюси, признающей в финале повести внучку: «*кровиночка моя*». Следует обратить внимание на использование слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами, традиционно передающими разнообразные положительные эмоции, особенно при общении с детьми.

Некоторые персонажи повести крайне редко переключают стилевой регистр с бранного на какой-либо другой. В основном это связано с определенным ритуалом, который требует проявления положительной эмоции, но эта эмоция оказывается фальшивой (этикетной, ритуализированной). Так, крик матери Виктора на его проводах в армию, обращенный к Маше: «А вот и *невестушка* пришла. *Сизая голубка* прилетела!», – справедливо оценивается последней как «цирк и баня». *Невестушка, голубка* можно маркировать как народно-поэтическую лексику. Лексема *цирк* в переносном значении «смешное событие, комическая ситуация» [Ожегов, Шведова 1995: 863] приобретает просторечную окраску с негативной оценочностью. Слово *баня* в контексте реализует, возможно, фразеологически связанное значение, обусловленное вхождением в состав устойчивого выражения *здать баню* – «сильно разбранить» (разг.) [Ожегов, Шведова 1995: 33]. Соответственно, *цирк и баня* в контексте выражают оценку ситуации: «Спектакль под названием «Проводы» сыграли, разошлись – и все». Машу раздражает неискренность Нюси, ложность собственного положения (ни одного письма от Вити, никакой пользы от его матери-продавщицы, которая не помогла ей в покупке югославских сапог).

На фоне преобладания сниженной лексики (просторечной, разговорной, жаргонной) следует отметить единичные случаи употребления книжной лексики, в частности, лексики публицистического стиля в письмах Виктора: «продолжаю находиться на *горячей точке* нашей страны»; «Ребята у нас хорошие, за ценой не постоят, чтобы победили *силы прогрессивного Афгани-*

стана» и т.п. Следует отметить и влияние некоторого канцелярита на речь Виктора (*продолжаю находиться* вместо нейтрального *нахожусь*), и обыгрывание прецедентного высказывания «Мы за ценой не постоим» (слова песни о героях Великой Отечественной войны из х/ф «Белорусский вокзал»).

Проанализировав повесть «Три любви Маши Передреевой», мы можем отметить, что автор активно включает в речь своих героев в первую очередь лексику низового стилевого регистра: разговорную, просторечную, жаргонную, что не только соответствует их социальному статусу (невысокое социальное положение, кроме матери Маши), но и отражает специфику их взаимоотношений. Всеобщая раздражительность, агрессивность, погруженность в бытовые проблемы уничтожает в людях лучшие качества, в том числе и способность к состраданию. Если уж мать и дочь не понимают друг друга, чего ждать от чужих людей. Не случайно преобладание негативной оценочной лексики (пренебрежительной, презрительной, бранной и др.) не только в диалогах, но и во внутренней речи Маши.

Обратимся к еще одной повести Г. Щербаковой «Митина любовь». В этом произведении повествование идет от лица женщины, которая вспоминает свое детство, властную бабушку, свободолобивую мать, а главное – своего дядю Митю. Экскурсы в прошлое соседствуют с событиями, развивающимися в настоящее время.

Если речь героев повести «Три любви Маши Передреевой» не имеет особых стилистических различий – преобладает сниженная (разговорная и просторечная), при этом грубая лексика, в основном, негативно эмоционально окрашенная, то стилевые пласты лексики в повести «Митина любовь» более разнообразны. Речевая характеристика каждого персонажа оказывается более индивидуальной.

В первую очередь следует отметить, что образ главной героини-рассказчицы более сложен и многопланов, чем образ Маши Передреевой. Повествовательница представлена и в разных ипостасях: она и маленькая девочка (в своих воспоминаниях), и человек-творец (писатель), и жена, и сестра и т.д. Речь «Я-героини» наиболее разнообразна в стилевом отношении: от

украинизмов до научной лексики, терминологии. Интересно в этом смысле начало повести, когда героиня сразу заявляет о своих приоритетах: о том, что она отказывается от *компьютера* как символа прогресса и выбирает *рукопись*, углы которой могут самопроизвольно заворачиваться: «Как же я буду понимать глубинные подмигивания компьютера и *скумекаю*, что он мне заворачивает *уголочки*? Поэтому мне нужен на столе камень, не важно, чароит он или какая *каменная дворняга*, но именно камень, а не *диод с триодом*... Я *отвергла* компьютер как предмет мне лично не подходящий. Одновременно отвергла *евроремонт*... Единственное, что я могу сделать, – вдеть для *понта* в одно ухо *серьгу*. Но это тоже по обстоятельствам... если уж очень *приспичит*». Этот фрагмент показателен включением различных по стилистической окраске лексем: разговорные *уголочки*, *серьга*, *евроремонт*, *приспичит*, просторечное *скумекаю* и, наконец, жаргонное *понт* соседствуют с книжным *отвергать*. *Каменная дворняга* как символ природного начала противопоставлена механистичным *диодам и триодам*.

Следует обратить внимание на сильную концентрацию стилистически маркированной лексики на протяжении всей повести, причем не только в диалогах, воспроизводящих живую разговорную речь, но и в авторском тексте. При этом некоторые лексемы приобретают символический смысл и часто сигнализируют о смене стилового регистра. Так, например, упомянутая выше *серьга* в ухе периодически метафорически появляется в ухе героини и заставляет ее вести себя определенным образом.

Мы уже отмечали, что в речи повествовательницы представлены различные группы лексики: украинизмы (например, *щиро*), диалектизмы (*колготиться*), разговорная лексика (*мусолить*, *вляпаться*, *всучить*), просторечная (*скумекать*, *башка*, *морда*, *изгальяться*, *на фиг*), в том числе и просторечные формы (*бечь*, *врасплохи*, *чужее*), жаргонная (*кайф*, *видак*), книжная, в том числе высокая, научная и др. «Видимо, здесь и взошли всходы моего *индивидуализма*, а также его крайней формы – *солипсизма*». Особо следует отметить окказиональные образования: *бесчувствие*, *безмыслие*, *сверхсчастье*, *сверхплохо*, *кажимость*, *чуманею* и др. Они характеризуют героиню как творче-

скую личность, не случайно она занимается писательской деятельностью.

В повести мы можем наблюдать целую галерею колоритных персонажей: мать, бабушка героини, сестра Шура, полоумная Зоя, дядя Митя и его бесконечные любви: от жены Фаи до безымянной райкомовки (наиболее важна для сюжета повести Люба). Мы перечислили героев, в основном, из прошлого. В настоящем присутствуют «молодые» (представители «детей»): Егор-Митя, Лена и др.

Безусловно, самым главным персонажем в повести (в воспоминаниях героини) является брат ее бабушки (двоюродный дедушка) Митя. Его характеризовали как человека безнадежно романтического, всех жалеющего, при этом характеризовали как ненормального: «Митя начинается с этого ключевого слова. Со слова бабушки: – Митя, ты *идиот!* Было у него замечательное качество: он покупал на базаре самое-пресамое *не то* – исключительно из чувства жалости к продавцу».

Но у героини-повествовательницы другое отношение к Мите. Для нее это самый дорогой, понимающий человек: «Митя – странный, вневременной человек. Он родился у старой, сорокапятилетней женщины, моей прабабушки». У Мити была особенность, он любил всякого рода убогих женщин, искалеченных, умалишенных, «некондиционных женщин». Кто-то понимал это как извращение. Бабушка определяла все просто: «*Потаскун* всех времён и народов». Но и она, по сути, понимала мотивы поведения Мити: «...он мне и сказал, что это у него не *блядство*, а глубочайшая жалость, до «сжимания сердца» к женщине, «которую Бог обделил»».

«Я»-повествовательница явно романтизирует образ Мити, при этом он все равно получается живым, реальным. В его устах даже просторечные слова звучат не грубо, а ласково. Не случайно он называет героиню «птицей»: «Тебе с нашим братом будет трудно, потому что ты... Ждешь от нас больших впечатлений. Ты, птица, воображай *помене* мозгами... У тебя вся главная жизнь происходит в голове... *Ослобони* головку, оставь ей *цифирь*».

Немаловажную роль в повести играют такие персонажи, как Зоя и Люба. Именно с этими образами связан мотив «другого

ума», играющий значительную роль в повести. «Зоя – знак некоего «другого ума»... Мы еще не дожили до еврейской мудрости благодарить Бога за посланный тебе или твоим близким «другой ум»... Наша *чертова фанаберия* мешает нам поступать разумно. И хотя бы делать вид». Зоя примкнула к баптистам, «запела *тоненьким* высоким голосом, слетала с ними на *небко*, а когда вернулась, то оказалась счастливой». Этот образ «небка» будет сопровождать Зою на протяжении всей повести. Она сблизится с Любой, и ту окружающие также будут считать ненормальной.

Мотив «другого ума» можно спроецировать и на Митю, и на других героев, которые ведут себя «ненормально», с точки зрения окружающих. Главная героиня повести много размышляет о своеобразном гене Мити, который она видит то в своей дочери, то в Егоре. В повести даже возникает некий символ «бидона», который дочь повествовательницы купила из жалости к продавщице. Сама «Я»-героиня иногда хочет уничтожить в себе этот ген: «Я не хочу искать Егора. На Мите кончилась *моя* история» (данное слово выделено автором – Г. Щербаковой). «...тебе до того все равно, до того *пофигейно*, что это можно принять за умиротворение и покой, но это не так... Просто *вся вышла*».

Героиня явно не хочет смиряться с таким покоем=безразличием. Жаргонное *пофигейно* (либо индивидуальное образование от жаргонной основы *по фигу*), по сути, становится символом эпохи распада семейных связей, неспособности к сочувствию, сопереживанию. Не случайно даже сестра повествовательницы Шура возмущается гнусностью новых слов, соответствующих духу новой эпохи: «С чего ты взяла, что на тебе лежит ответственность? Они уже взрослые. *Трахаются*. Так это теперь называется? Все слова про это теперь гнусные. Хуже *матерных*».

Еще одно символичное слово появляется в финале повести, когда рассказчица осмысляет ситуацию отказа Мити-Егора от тела беременной Лены, предложенного ею как бы в благодарность. Бегство Мити-Егора по существу приводит его к гибели – под колеса машины. Лена по-своему характеризует ситуацию:

«А этот развернулся и ушел... *Сволочь* такая... *Псих* он, *псих!* На дух мне такого не надо! Ленька, конечно, *гад*, но живой *гад*... Живой Ванька-дурак лучше мертвого Ивана-царевича». Так опять возникает мотив «другого ума». Оскорбления Лены направлены против уже мертвого человека, так сильно он зацепил ее своим «ненормальным» поступком. «Я»-повествовательница считает, хотя и не очень уверенно, что Митя-Егор «бежал от несовпадения чувств, мыслей и обстоятельств, которые были *вразнотык*». Последнее слово, несмотря на свою «корявость» и просторечность, приобретает глубокий смысл. Многие в жизни самых близких людей оказывается «вразнотык». И Митя, любивший многих обделенных женщин из жалости, желал только хорошего всем. Но при этом приносил страдания многим, и в первую очередь своей законной жене Фале. Символично, что повествовательница в финале произведения чувствует, что ее постигла неудача: «Зачем-то с *бухты-баракты* я бросила на полуслове почти законченную повесть и кинулась рассказывать другую... Я их не знаю... Это поколение живет мимо вас...».

Проанализировав случаи использования различных групп лексики в произведениях Г. Щербаковой, мы пришли к следующим выводам.

На фоне нейтральной лексики мы видим явное преобладание «сниженной» лексики: разговорной, просторечной, жаргонной. Это происходит в обеих рассмотренных нами повестях. При этом «сниженная» лексика оказывается разнообразной в каждом тексте. Если в повести «Три любви Маши Передреевой» преобладает бранная лексика (как в диалогах, так и в монологах), в повести «Митина любовь» используется не только грубая, вульгарная сниженная лексика, обладающая негативной оценочностью, но и лексика, выражающая положительные эмоции. В частности, в данной повести Г. Щербакова активно использует разговорную эмоционально окрашенную лексику, в основном с уменьшительно-ласкательными суффиксами, выражающими широкий спектр положительных эмоций.

Кроме того, речевая характеристика каждого персонажа повести «Митина любовь» оказывается более индивидуальной. В речи бабушки героини-рассказчицы преобладают украинизмы

(*геть*), просторечные, грубоватые слова, в том числе и бранные (*потаскун*). Речь Мити более поэтична. Чего только стоит его обращение к героине-рассказчице «птица». Обильно насыщена народно-поэтическими выражениями и словами с суффиксами субъективной оценки речь Любы и Зои (обладательницы «другого ума»): *кусточки, небко, думка, деток* и т.п. В речи современной молодежи, прежде всего Лены и Лёни, преобладает не только разговорная лексика, но и жаргонная (*крутой, менты*). И, наконец, речь самой рассказчицы наиболее разнообразна. В ней присутствуют и украинизмы (*щиро*), и разговорная лексика (*гипертоничка*), и просторечие (*морда, сидючи*), но в то же время и книжная лексика, терминология (*анабиоз*), представлены даже некоторые индивидуальные образования (*чуманею*). Речь повествовательницы может быть и грубой, и поэтичной. Именно в ее речи часто дается стилевая оценка высказывания: «И еще бабушка в «дни Фали» не прибежала, как у нас принято, к красному словцу «ридной мовы». В доме стоял высокий стиль русского языка».

Подобные стилистические ремарки характерны и для другой повести Г. Щербаковой: «Три любви Маши Передреевой», но в ней они носят более частный характер. В «Митиной любви» автор через размышления рассказчицы приходит к некоторым важным обобщениям о нашей жизни, о жизни «*вразнотык*».

Таким образом, стилистически окрашенная лексика используются в произведениях Г. Щербаковой не только как средство речевой характеристики персонажа, но и как средство усиления экспрессии авторской речи. Обилие разговорной, просторечной, жаргонной лексики не только позволяет автору передать «правду жизни», создать образы колоритных персонажей, но и воспроизвести картину распада нормальных взаимоотношений между самыми близкими людьми, не понимающими друг друга, живущими *мимо друг друга, вразнотык*. Не случайно в повестях Щербаковой символический характер приобретают не только нейтральные изначально лексемы (например, *барак* в повести «Три любви Маши...»), но и стилистически маркированные (*поперхуюсь, пофигейно, вразнотык* и др. в «Митиной любви»). Употребление разнообразных по стилистической окраске язы-

ковых единиц, в том числе и внелитературных (жаргонизмов) мотивировано не только коммуникативно, но и эстетически. Функционирование данных языковых единиц в анализируемых произведениях способствует полноценному воплощению идейно-эстетического замысла писателя.

ЛИТЕРАТУРА

Костомаров В.Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. – М., 2005.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1995.

Стилистика и литературное редактирование / под ред. В.И. Максимова. – М., 2004.

Щербакова Г. Три любви Маши Передреевой. – М., 2012.

© Авдеева Г.А., 2013

А.М. ПЛОТНИКОВА

*(Уральский федеральный университет им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия)*

УДК 81'246.2

ББК Ш107

РЕЧЬ БИЛИНГВА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА М. ГИГОЛАШВИЛИ «ЗАХВАТ МОСКОВИИ»)

Аннотация. В статье рассматриваются способы имитации русской речи билингва и некоторые приемы языковой игры, используемые писателем и филологом М. Гиголашвили в романе «Захват Московии». Анализируется метаязыковая рефлексия автора художественного текста.

Ключевые слова: билингвизм, метаязыковая рефлексия, лингвокреативная деятельность.

Имитация речи инофонов в художественных текстах на русском языке всегда представляет собой языковой эксперимент, демонстрирующий пародийные способности автора текста и креативный потенциал языковой системы. Безусловно, не все особенности речи человека, для которого русский язык является неродным, замечаются писателями и не все они могут быть адекватно отражены в письменной речи, поэтому правильнее говорить о стилизации такой речи. При этом от художественных задач, поставленных писателем, зависит то, в какой степени будут имитироваться фонетические, лексические и грамматические особенности речи. Значимым оказывается также языковая и этническая идентичность самого автора художественного текста.

Основной иллюстративный материал в данной статье взят из текста романа М. Гиголашвили «Захват Московии» [Гиголашвили 2012]. Главным героем этого приключенческого романа является немецкий студент-лингвист Манфред Боммель, приехавший в Москву для углубленного изучения русского языка. Именно русский язык становится сюжетным центром романа, а

герой романа отправляется в увлекательное лингвистическое путешествие, совершает, выражаясь словами самого героя, «лингвотур». Михаил Гиголашвили, автор романа, как и главный герой его романа, являются естественными билингвами (биографию писателя можно прочитать на персональном сайте: <http://m-gigolaschwili.de>). Будучи профессиональным филологом, преподавателем русского языка, автор романа пытается отобразить в тексте, как происходит переключение с одного языкового кода на другой и какие типы ошибок возникают при переключении кодов.

В речи героя частотны самые разнообразные типы ошибок, связанные с интерференцией языков, например: «Я делал курс японского, шведского», «Я спросил корректного попутчика», «Люди с пивом любят соленые брецели (от немецкого *Brenzel* – крендель); «Мои гроссэлтерн... большие родители... бабушка с дедушкой в Баварских Альпах живут-поживают». Допускаемые ошибки обычно не исправляются, и эта особенность, вероятно, может быть отнесена не только к тексту романа, но и в целом к межкультурной коммуникации, когда незначительное непонимание легко снимается в ходе диалога.

В редких случаях носители русского языка исправляют ошибку, однако при этом они примеряют на себя роль лингвистов, объясняя причину ошибки и комментируя правильный вариант, например, герой употребляет форму «охмеляется», и в ответ получает следующий метаязыковой комментарий сержанта полиции: «Э, друг, правильно надо говорить «по-хмеляется»! «По» – это значит «после», после хмеля».

Высокая степень развития речевых навыков героя книги, обусловленная и ранним двуязычием (в тексте книги рассказывается о детстве героя и особенностях общения на русском языке), и профессиональным языковым чутьем Манфреда («я же в первую очередь лингвист, а потом все остальное»), позволяет писателю вполне осознанно использовать различные приемы языковой игры и манипулировать формой и содержанием языковых структур.

Т.А. Гридина пишет: «Лингвистика креатива рассматривает художественный текст как некое экспериментальное простран-

ство, обнаруживающее писательские эвристики (особое чутье слова) и преднамеренное «обновление» формы и содержания вербальных знаков, создающее эстетически значимый эффект их интерпретации (собственно авторское миромоделирование). В этом творческом процессе активно задействованы коды языковой игры» [Гридина 2012: 272].

В рамках статьи невозможно представить краткий обзор всех кодов языковой игры и всех приемов, используемых автором в тексте романа. Безусловно, особую роль в речи героя выполняют видовые формы глаголов, которые на протяжении всей книги герой использует одновременно как видовую пару: «*Виталик Иванов меня в гости звал-позвал (я часто употребляю обе формы глагола, потому что не знаю, какая будет правильной)*». Особую трудность в производстве речи представляют супплетивные формы «*брать – взять*», а также формы глаголов поиска и нахождения объекта, видовые пары которых не всегда точно представлены в словарях русского языка: «*Как там брать – взять деньги?*»; «*А где эти блямбы-пломбы берут-найти?*»; «*Вы не умеете знать, где искать, нет, найти книгу*»; «*Где искать-ловить эти бумаги? Не могу ловить-поймать*». Размышляет герой над сочетаемостью переходных глаголов: «*Они мешают ждать багаж... Или “ждать багажа”? Ох, эти формы генитива*».

Закономерно, что в книге постоянно осуществляется поиск деривационных характеристик непонятого и нового слова. Так, интерпретируя фразу «*кастрюля прохудилась*», герой размышляет: «*Как? Худая стала? Похуделась?*», а пытаясь понять собственную русскую деловую коммуникацию форму глагола «*донести*» (документы, справки) как «принести», видит её связи с омонимичной формой глагола: «*Донести?.. Доносчик?..*». Иногда проведение подобных параллелей создает интересный ракурс семантики слова, например, слово «шалова»: «*Это кто шалит? Шалишка*».

В основе языковой игры часто лежит мотивационная рефлексия героя: «*Но вы говорите “ушлый”. Это же тот, кто ушел?*»; «*Прибаютки? От “баю-баю” спать?*». В этом отношении интересен пример, в котором герой устанавливает связь

между глаголом «укокошить» и собственным именем, используемым в сказке К. Чуковского «Крокодил»: *«Почему он (Иван Грозный) своего сына укокошил? Кокоша? Сказка? – вспомнилось что-то смутное про крокодила».*

Активно используется в тексте романа обыгрывание значений фразеологизмов и контаминация фразеологизмов, например: *«Пойду, как Иван, куда глаза направлены»; «Вот она загадочная душа нараспашку... Нет, нараспашонку»; «И тамбовский медведь мне друг!»; «Шел я, думая, что такое барахта бухты»; «И царь показал ему, где кузьки зимуют».*

Будучи билингом, герой постоянно проводит лингвокультурные параллели между русским и немецким и предлагает лингвокультурную интерпретацию языковых форм, а также стратегий и тактик, свойственных русской коммуникации: *«Они все постоянно употребляют совершенный вид прошедшего времени: “Сделал! Сел! Встал! Принес! Замолк!” Есть в этом что-то очень неприятное, фамиллярное, грубое, наглое... И интонации голоса при этом такие... недружественные... грубые... язык – зеркало социума».*

Приезд в Россию и включение в языковую среду приоткрывает для героя русскую языковую картину мира, а постоянно осуществляемое сопоставление русских и немецких слов даёт возможность не только обозначить языковые лакуны в том или ином языке, но и сделать выводы о национально-культурной специфике каждого языка, например: *«...а я зафиксировал пару новых глаголов, “стибрить”, “стырить”, “слямзить”. Тибра! Лямза! Тыра! Где в немецком такая россыпь оттенков?... Одно stehlen – и всё. А тут!... Эльдорадо для психолингвистов, которые утверждают: где каких глаголов много, тем народ в этом речевом поле в основном и занимается».* Из размышлений о номинативной плотности той или иной лексико-семантической группы делается вывод о лингвокультурной значимости тех смыслов, которые отображаются лексикой русского языка, выявляются лингвоспецифичные (безэквивалентные и псевдоэквивалентные) слова, даётся оценка этим словам в аспекте их соотношения с русским менталитетом и русским национальным характером: *«...слова “удача” нет в немецком языке, как нет и*

многих других слов типа удаль, приволье, хохот, маета, что является прямым следствием менталитета».

При этом метаязыковые суждения героя, безусловно, субъективны, как субъективны любые рассуждения «наивного лингвиста». М.Р. Шумарина, отмечая эстетическую мотивированность метаязыковой рефлексии в художественных текстах, пишет: «Высказываемые писателями и персонажами оценки могут по-разному соотноситься с научным знанием: они могут быть точными и вполне корректными, но могут представлять собой искренне заблуждение и даже намеренно сконструированный лингвистический миф» [Шумарина 2011: 115].

В романном пространстве его автором сознательно конструируется миф о безграничной свободе русского языка, об отсутствии каких бы то ни было ограничений: «...если ты носитель языка, тебе всё позволено, у тебя есть право говорить, как ты хочешь, а если ты иностранец, то должен говорить «правильно», «по правилам», а где грань между ошибкой и импровизацией?». Поэтому герой, окунувшись в стихию русского языка и пообщавшись с его носителями, радостно восклицает: «Свобода, креативитет!». Эта свобода речетворчества позволяет герою-билингву самому стать носителем лингвокреативных практик.

Извлекая из наблюдений за глаголами фрагменты языковой картины мира, герой размышляет о том, что язык является отображением реальности: «Я долго сидел у окна и смотрел на улицу. И, кажется, начал понимать, почему глаголы движения типа “ехать-ездить” такие непредсказуемые. Возможно, система глаголов просто отражает реальность, такую хаотичную. Да и когда было тут учиться ездить по правилам?... Ни машин, ни дорог не было... <...> Конечно, в русской грамматике и так слишком много белых пятен и черных дыр, но такого произвола, как с глаголами движения, нет ни в одном из разделов». В романе убедительно показано, что не только язык отображает реальность, но и сама реальность создается языком, и писатель в афористичной форме оправдывает осуществленный им языковой эксперимент: «Носители языка всегда правы, ибо наука описывает язык, а не язык учится у науки»; «...вначале язык

отражает жизнь, а потом – наоборот, жизнь начинает жить по законам языка».

ЛИТЕРАТУРА

Гиголашвили М. Захват Москвы. Национал-лингвистический роман. – М., 2012.

Гридина Т.А. «Делать из мухи слона»: ассоциативная проекция игрового слова в художественном тексте // Лингвистика креатива: коллективная монография / отв. ред. Т.А. Гридина. – Екатеринбург, 2012. С. 272–288.

Шумарина М.Р. Язык в зеркале художественного текста (Мета-языковая рефлексия в произведениях русской прозы). – М., 2011.

© Плотникова М.А., 2013

Т.В. УСТИНОВА

(Омский государственный педагогический университет,
г. Омск, Россия)

УДК 81'42: 811.111 + 811.161.1

ББК Ш401.35(Эндрюс Б., Драгомощенко А.)

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В МЕТАТЕКСТАХ «ЯЗЫКОВЫХ ПОЭТОВ» Б. ЭНДРЮСА И А. ДРАГОМОЩЕНКО

Аннотация. В статье анализируются лингвистические механизмы языковой игры, сопоставляются ее структурные и функциональные свойства в англоязычных и русскоязычных эссе «языковых поэтов» Брюса Эндрюса и Аркадия Драгомощенко. Автором выделяются универсальные и специфические (системно-обусловленные и идиостилевые) черты проявлений лингвокреативности в анализируемых текстах.

Ключевые слова: «языковая поэзия», языковая игра, метаязыковая рефлексия, некаламбурное совмещение значений, морфодеривационные трансформации.

Американская «Языковая школа поэзии» (*the L=A=N=G=U=A=G=E School of Poetry*) объединила нескольких авангардных поэтов, период совместной деятельности которых пришелся, в основном, на 70–90 гг. XX века. Одна из отличительных черт объединения – тесная взаимосвязь творческой практики с метаязыковой и метапоэтической рефлексией. Метапоэтические и метаязыковые размышления философского, литературно-критического, авторефлексивного типа представлены на страницах журналов *L=A=N=G=U=A=G=E* и *THIS magazine*, основная цель которых состояла в обосновании «поэтической филологии» «Языковой школы». Метатексты «языковых поэтов» затрагивают широкий спектр лингвофилософских и лингвопоэтических вопросов о наличии особой языковой реальности, о соотношении языка и мышления, об устройстве языка-кода, определяющего поэтический текст, о взаимосвязи поэтического содержания и поэтической формы.

Аркадия Драгомощенко (1946–2012 гг.) называют русским «языковым поэтом». Он был лично знаком с представителями

«Языковой школы» и переводил многих современных американских поэтов. В свою очередь, его книги «Описание» и «Ксения» были изданы в США в переводе Лин Хеджинян. Творчество А. Драгомощенко отличает характерный для «языковых поэтов» лингвоцентризм, стремление «пересоздать» язык. В его понимании «...поэтический текст образуется как пространство, престаупающее «границы» вовлеченного в действие языка в ходе отклонения и катастрофического «столкновения» единиц смысла» [Драгомощенко 2005].

Автометаописания «языковых поэтов» (Ч. Бернштейна, Б. Эндрюса, Р. Силлимана, Р. Гренье, С. МакКафферы, А. Драгомощенко) продолжают традицию «сложностного» теоретического дискурса французских постструктуралистов, чье влияние на свое творчество и лингвофилософское мировидение они неоднократно подчеркивали. Стилистический потенциал отбора лексики (в частности, использования высокопарной, редкоупотребительной поэтической, архаической лексики и узкоспециальной научной терминологии) и богатая тропика метатекстов «языковых поэтов» требуют отдельного лингвистического анализа. Остановимся на описании лингвистических механизмов языковой игры (ЯИ) в метатекстах «языковых поэтов» Брюса Эндрюса (эссе «Текст и контекст» (*Text and Context*) [Andrews 1980] и «Кодовые слова» (*Code Words*) [Andrews 1978]) и Аркадия Драгомощенко (эссе «Тень чтения» [Драгомощенко 1994а], «Эротизм за-бывания» [Драгомощенко 1994б], «Я в(ь) Я» [Драгомощенко 1994с]).

Очевидным общим приемом ЯИ в текстах анализируемых эссе обоих поэтов является окказиональная интерпретация взаимосвязи фонетического облика слова и его содержания. Естественное для поэта трепетное отношение к звуковой составляющей смыслообразования активно проявляется и в их прозаических текстах. Чаще всего фоносемантическое обыгрывание слова или сочетания слов преследует конкретную прагматическую и/или стилистическую цель: как отмечает Т.А. Гридина, происходит «моделирование определенного содержания и различного рода экспрессивно-оценочных коннотаций на базе фонетической мотивации» [Гридина 1996: 98]. Так, например в предло-

жении *Вместе с рушащимся обещанием происходит разрушение некоторых пределов, средостений, порядка* [Драгомощенко 1994a], объединяя паронимы (*рушащимся – разрушение*) и паронимазы (*рушащимся – обещанием*), автор «закрепляет» свою отрицательную оценочную квалификацию описываемой им «иерархической структуры репрезентации мира».

У Б. Эндрюса прием окказиональной паронимастической замены корня слова также используется для выражения отрицательной оценки:

The constitutive rules of meaning are not taking words away from us. We can create those rules as we go along, and as we return, centrifugally, to center, centering, to surface, to degree zero, to sea level. We are urged back by the absence of imposed escapes! A semantic normality – a norm-iness (a worminess) is one such escape [Andrews 1980].

В данном примере окказиональное смысловое сближение фоносемантов служит средством выдвижения внутрисловных ассоциативных связей слова *worm* (в частности, отрицательных коннотаций – *something that penetrates and injures; any disease or disorder arising from the presence of parasitic worms*) и их переноса на понятие *norm*. В результате в интерпретации Б. Эндрюса семантическая нормативность (*semantic normality*) представляется как *norminess/worminess* (\approx червивость, пораженность глистами). Такая контекстно выводимая оценка языковой нормативности актуализируется на фоне неузуального авторского словообразования. Лексический окказионализм *norminess* является окказионализмом «первой степени» (в терминах Н.Г. Бабенко) – «стандартным, потенциальным образованием, созданным в полном соответствии с деривационными нормами литературного языка» [Бабенко 1997: 15]. Возможно, на фоне эксплицитного присутствия в тексте узуальной мотивирующей основы окказионализма обнажается авторское видение избирательности и парадоксальности нормативного словообразования в языке.

Еще одна общая черта метатекстов русского и американского поэтов – высокая производительность в создании словообразовательных окказионализмов, выступающих средством авторской номинации. Чаще всего, как в случае с *norminess*, ав-

торы используют продуктивные словообразовательные модели, соответствующие деривационным нормам английского или русского языков. Так, в текстах Б. Эндрюса можно идентифицировать случаи окказионального образования слов с помощью деривации эквифинального типа (*a once-divided-but-now-fused Reader and Writer* [Andrews 1980], *our seemingly-liberating-but-actually-repressive genres of expression* [Andrews 1978]), сложно-суффиксального способа (*counter-commodification* [Andrews 1980]), суффиксации (*wordsome* [Andrews 1980], *wordness* [Andrews 1980], *eventism* [Andrews 1980], *otherliness* [Andrews 1980], *choicelessness* [Andrews 1980]), префиксации (*an unsituation* [Andrews 1978]). А. Драгомощенко для создания новых слов использует словосложение (*перво-письмо, само-собственность* [Драгомощенко 1994b]) и префиксально-суффиксальный способ (*вторение* [Драгомощенко 1994b], *досомненно* [Драгомощенко 1994c], *развоплощение* [Драгомощенко 1994c]). Также в его текстах мы отмечаем наличие окказиональных аппозитивных сочетаний, занимающих промежуточное положение между сложным словом и свободным словосочетанием: *память-основа* [Драгомощенко 1994b], *спрашивание-ответ* [Драгомощенко 1994b], *золото-язык* [Драгомощенко 1994a], *Бытие-Тайна* [Драгомощенко 1994a], *Цель-Означаемое* [Драгомощенко 1994a]. Авторские новые слова в прозаических эссе обоих поэтов характеризуются легкостью семантизации и ясностью коммуникативно-прагматических интенций их употребления в отличие от поэтических текстов, где идеалом «языковых поэтов» остается «затемненный текст» (*obscure text*), отличающийся частотным употреблением намеренных языковых (в том числе и словообразовательных) аномалий высокой степени окказиональности на фоне значительных нарушений коммуникативно-прагматических конвенций и принципов текстовой организации. Окказиональное словотворчество в метатекстах «языковых поэтов» служит средством нестандартной авторской номинации, которое, с одной стороны, в полной мере реализует коммуникативно-прагматические интенции авторов, а с другой стороны, особым образом манифестирует устройство их поэтической и языковой картины мира. В частности, в метатекстах «языковые поэты»

отстаивают свое видение потенциальности языка, трактовку языка как особой действительности, позволяющей поэту создавать собственный универсум посредством творческого акта именования.

Помимо области окказионального словообразования номинативные интенции авторов проявляются также в сферах нестандартного преобразования существующих языковых форм и значений. В случаях ЯИ, задействующей механизмы формально-семантического варьирования, мы отмечаем высокую степень обусловленности игровых стратегий особенностями системного устройства того или иного естественного языка. Так, аналитизм английского языка, чрезвычайно развитая полисемия, распространенность различных видов омонимии (в том числе омоформ и морфемной омонимии), глагольная широкозначность делают сферу лексической семантики чрезвычайно плодотворной для нестандартного самовыражения креативной языковой личности.

В метатекстах Б. Эндрюса языковая игра чаще всего построена с использованием лингвистического механизма *ассоциативного наложения* (термин Т.А. Гридиной), а именно через «обыгрывание многозначности или омонимии лексических единиц путем одновременной актуализации альтернативных возможностей интерпретации одной и той же языковой формы» [Гридина 1996: 20]. Такая «актуализация альтернативных возможностей» может происходить в различных вариантах каламбурного и некаламбурного совмещения значений. По мнению Анны А. Зализняк, следует разграничивать эти два явления, построенные на выдвигении лексической неоднозначности: «Если каламбур сталкивает и противопоставляет – безразлично, значения одного слова, омонимы или другие сходные вещи <...>, – то некаламбурное совмещение значений (возможное, заметим, только для разных значений многозначного слова, но не для омонимов), наоборот, их объединяет» [Зализняк 2004: 28]. В эссе Б. Эндрюса представлены, в основном, случаи некаламбурного совмещения значений разного типа. Например, в следующем контексте значения глагола *operate* (*to manage or use smth.* и *to bring about, effect, or produce, as by action or the exertion of force*

or influence) совмещаются по типу «сплава значений» (термин Анны А. Зализняк [Зализняк 2004: 30]):

Reading becomes the first production, rather than consumption – not a relay of an author’s vain transcriptions of a representational content. Reading operates the text, is a rewriting, a new inscription. The text erases «the distance between writing and reading, in no way by intensifying the projection of the reader into work <...> but by joining them» in a single practice [Andrews 1978].

Транспируя свое видение сложной взаимосвязи функций автора, текста и читателя в динамической ситуации текстового смыслопорождения, Б. Эндрюс добивается объединения двух значений слова *operate* в единое целое: «чтение использует (уже существующий) текст» и одновременно «чтение производит (новый) текст». По Эндрюсу, чтение есть «вступление в письмо», «переписывание», «новое вписывание» смыслов текста. Чтобы раскрыть свою синтетическую концепцию «чтения-письма», автор конструирует такой интенсифицирующий микроконтекст, который в свернутом виде содержит как минимум два основания потенциального переосмысления значений глагола *operate*, выделенного графически и синтаксически. В первых, значение *to manage or use smth.* («использовать») актуализируется в связи с введением в контекст лексемы *a rewriting*, и тут же на фоне фразы *a new inscription* проявляется значение *to bring about, effect, or produce* («производить новое»). Комплексному выражению значений глагола способствует экспрессивная синтаксическая организация предложения, в котором структурно «уравновешиваются» три сказуемых (*operates; is a rewriting; (is) a new inscription*) как равнозначные комментарии к одному топику (*reading*). Синкретический способ выражения характерен для поэтической речи (подробнее о синкретизме в поэзии см., например [Зубова 1989]). Очевидно, в своих метаязыковых высказываниях, выделяя *главное*, поэт стремится использовать привычный для него способ комплексного представления семантических дифференциальных признаков слова.

В другом примере происходит совмещение значений слова *trip* по типу семантического «мерцания» (термин Анны А. За-

лизняк), когда «попеременно обнаруживает себя то одно, то другое значение» [Зализняк 2004: 32]:

Commodities are sold, productions are forgotten. You feed on this vertical system – the comfort of a semantic presence that you no longer have the strength to get tired of, or wary of. You are learning the trip, forgetting, as in an amnesia, the character of the places you left. The medium, vertically, threatens to become the predominant message. Semantics: the souvenirs of tourism [Andrews 1980].

На фоне введения в контекст причастия *forgetting* и существительного *amnesia* актуализируется сленговое, переносное значение слова *trip* – *an instance or period of being under the influence of a hallucinogenic drug* – и выводимое из него значение – *the euphoria, illusions, etc., experiencing during such a period* (≈ «наркотическое опьянение, эйфория»). Во взаимосвязи с существительными *places*, *souvenirs* и *tourism* слово *trip* интерпретируется в своем прямом ядерном значении – *a journey or voyage* («поездка, путешествие»). Более того, при учете общей негативной оценки автором «комфорта семантической нормальности текста» легко прослеживается еще одно значение существительного *trip* – *a stumble; misstep; blunder* («препятствие»). Таким образом, в данном отрывке с помощью последовательной актуализации значений слова *trip* отрицательное отношение автора к нормативному «тексту-удовольствию», смысл которого легко поддается читательской реконструкции, получает комплексное выражение через ассоциирование с понятиями «туристическая поездка», «наркотическая иллюзия» и «препятствие, ошибка».

Таким образом, Б. Эндрюс активно пользуется предоставляемыми самим устройством английского языка возможностями по эксплуатации полисемии. Такое обыгрывание лексической неоднозначности в случае английского языка облегчается грамматическими факторами – неразвитостью флексий и бедностью словоизменительных форм, а также распространенностью примыкания как типа грамматической связи в словосочетании и предложении.

Аркадий Драгомощенко имеет в своем распоряжении язык другого грамматического типа. В процессе творческого воздей-

ствия на язык поэт не может не учитывать условия, заданные флективным строем русского языка: в частности, чрезвычайное разнообразие способов словообразования и словоизменения и высокую степень грамматической связанности в словосочетании и предложении через согласование и управление. В анализируемых эссе А. Драгомощенко мы отмечаем большое распространение случаев ЯИ, построенной на разнообразных воздействиях на морфемный состав слова. Характерную для русского языка словообразовательно мотивированную производность слова и многозначность аффиксов автор обыгрывает различными способами. Особенное распространение в эссе А. Драгомощенко получили следующие приемы:

- окказиональная сегментация слова с последующей окказиональной семантизацией полученных частей;
- окказиональная мотивация узуальных словообразовательных моделей;
- окказиональная интерпретация на основе «ложноэтимологической реноминации» (термин Т.А. Гридиной [Гридина 1996: 130]);
- окказиональная семантизация лексемы путем «словообразовательно-мотивационного перифраза» (термин Т.А. Гридиной [Гридина 1996: 160]);
- окказиональная семантизация и/или гиперсемантизация аффиксов.

Часто автор одновременно использует несколько из вышеперечисленных приемов по выявлению новых смыслов в многоуровневом строении словоформы. Например, такая конвергенция приемов наблюдается в следующем отрывке, содержащем авторский анализ коннотативных значений слова «память»: *Достаточно сказать, что русское слово «память» напыляется на восприятие несколькими семантическими слоями – 1) «имени» (по(и)мянуть-по-именовать, по-миновение-по-именование), отсылающим к именованию, как имению, т.е. владению, потому как именование есть введение в собственность, присвоение; – 2) личного местоимения первого лица, винительного / родительного падежа: «мя»; и – 3) «мен-ы», обмена (в частности знака на вещь), замыкающего топологию я-имени-имения в акт*

власти, подчинения и управления отстоящим, внешним, не имеющим «определенности» [Драгомощенко 1994b].

В первой «дефиниции» происходит переосмысление морфемного состава глагола *помянуть* путем его окказионального членения с одновременной фонетико-смысловой контаминацией (*по-(и)-мянуть*) и последующим присвоением глаголу нового номинативного содержания «владеть» на основе омофонических ассоциативных связей (*именование-имение*). Т.А. Гридина отмечает: «Заданный условиями ЯИ код фонеморфологического членения слова определяет возможность перехода от одного словообразовательного направления его интерпретации к другому в рамках тождества звуковой оболочки переосмысливаемой единицы» [Гридина 1996: 125]. Далее в указанном примере в тексте А. Драгомощенко новые «направления интерпретации» задаются несколькими вариантами окказиональной сегментации существительных *имя (и-мя)* и *именование (и-мен-ование)* с присвоением частям этих существительных окказиональных значений (падежной формы личного местоимения *я* и *обмена*).

В другом случае прием окказионального членения слов дополняется приемом гиперсемантизации приставок «со-» и «раз-»: *Мне не снятся сны. Возможность – есть средостение, создающее все территории. Кленовый лист из Чернобыля достигает по слухам метра с чем-то в ширину. Какого размера достигает «я» из этого места? Либо, где складировались эти местности, очевидно превосходящие привычные размеры, пространства...или же времена? Но если о снах, то они мне снятся, однако я забыл все и продолжаю все забывать, – не в этом ли совпадении с миром моего сознания, исключаящего себя из «со-»? – ежечасно обретая то, что было лишь миг назад забыто мною? Все мое прошлое просачивается сквозь поры непамяти. Вероятно, зеркало все же было разбито (забыто), разъ-я-то в я-в(ь), и вместо того, чтобы глаза сошлись с глазами, уверовав навсегда в «я учу я», – некто, имеющий естественное право утверждать, что он – это он, в произнесении «я» предпочитает наугад иное [Драгомощенко 1994с].*

Результатом актуализации значений лексем *создающее, совпадение* и *сознание* становится гиперсемантизация приставки

«со-», которой в данном контексте приписываются значения не только «общего участия, общей принадлежности», но и дополнительные значения «единства» и «завершенности». Далее с помощью фоносемантического ассоциирования лексем *разбить* и *забыть*, а также окказиональной сегментации лексем *разъято* и *явь* выдвигаются подвергаются такие значения приставки «раз-», как «распределение, дробление», «усиление интенсивности», «увеличение (охвата)». В условиях более широкого контекста приставка «раз-» приобретает символическую значимость, становясь средством выражения идеи дискретности человеческой самости: далее в тексте возникает окказионализм *развоплощение*, интерпретируемый как *воз-вращение «я» в точку размыкания линий всех без исключения перспектив* [Драгомощенко 1994с]. Таким образом, приставки «со-» и «раз-», выступая как своеобразные «реляторы» синтагматических внутрисловных и контекстных (междусловных) взаимодействий, манифестируют направления семантического ветвления, задаваемого автором.

В большинстве случаев в текстах А. Драгомощенко новые направления смысловой интерпретации морфемного состава слов маркируются графически – с помощью дефиса и/или скобок. Автор, следуя собственному «протоколу деконструкции», задающему окказиональные смысловые переносы, предлагает свое парадоксальное прочтение существующих в языке форм и значений. Семантическая деконструкция осуществляется А. Драгомощенко как средствами переосмысления элементов узуальной словообразовательной структуры слова с сохранением нормативной делимости слова на морфемы, так и средствами аномальной морфемной сегментации. Но в любом случае новое содержание моделируется автором на фоне осознания системно заданных (узуальных и потенциальных) словообразовательных моделей русского языка, устанавливающих сложную взаимосвязь лексических и грамматических значений.

Таким образом, проведенный анализ эссе Б. Эндрюса и А. Драгомощенко, служащих средством выражения метаязыковой и метапоэтической рефлексии авторов, позволяет сделать следующие заключения:

Тексты Б. Эндрюса и А. Драгомощенко характеризуются разнообразием форм проявления лингвокреативного мышления. Языковая игра выступает как конструирующий принцип структурно-содержательной организации метаязыкового дискурса обоих авторов.

В анализируемых текстах обнаруживается динамическое равновесие универсальных и специфических проявлений лингвокреативности. Универсальность творческого преобразования языка выражается в способности языковой личности моделировать самые разнообразные неконвенциональные контексты употребления и восприятия единиц языка, эксплуатируя универсальное свойство асимметрии языкового знака. Специфичность лингвокреативности заключается в различных влияниях типологического устройства системы того или иного языка на реализацию конкретных приемов ЯИ.

В анализируемых эссе специфические признаки системно-языковой обусловленности операциональных механизмов ЯИ проявляются как эксплуатация авторами наиболее выдающихся и распространенных элементов языковых систем, находящихся в их распоряжении, в частности лексической полисемии аналитического английского языка и лексической деривации флективного русского языка.

Отметим, однако, что поэтическое творчество «языковых поэтов» демонстрирует гораздо более широкий диапазон операциональных механизмов ЯИ, задействующих в равной степени и ядерные, и периферийные элементы и явления соответствующих языковых систем. Это объясняется совершенно иной коммуникативно-прагматической установкой авторов поэтического текста. «Языковая поэзия» позиционируется авторами как средство расширения языковой нормы и узуса, как трансгрессивный прорыв в новые языковые возможности через создание множественных ветвлений траекторий смыслопорождения. Отсюда стремление к максимальному остранению языковых форм и значений, а в радикальном варианте – семантизация бессмыслицы, фонетической зауми и «словесной крошки». В своих прозаических высказываниях «языковые поэты» не сопротивляются «конвенциям обыденной речи». Рассуждая о поэзии и языке,

они стремятся к прагматически успешной коммуникации с читателем и демонстрируют своеобразное *thinking for speaking* («мышление для речи»), учитывая необходимость соотноситься с лингвистическими требованиями конкретного языка в процессе выражения мысли. При этом определенные прагматические эффекты моделируются через обыгрывание тех системных свойств этого языка, которые сознательно или бессознательно трактуются авторами как ключевые, имеющие решающее значение в языковом смыслопорождении.

К специфическим чертам проявления лингвокреативности в анализируемых эссе следует также отнести очевидные идиостилевые предпочтения авторов в выборе операциональных приемов ЯИ. Так, например, из всего многообразия возможностей окказионального словообразования Б. Эндрюс чаще всего выбирает суффиксацию, а творческое формально-семантическое варьирование слова в большинстве случаев осуществляется им посредством некаламбурного совмещения значений полисеманта. При этом, американским автором практически игнорируется лингвокреативный потенциал, например конверсии (чрезвычайно распространенного в английском языке высокопродуктивного способа словообразования), омонимии и синонимии. А. Драгомощенко разными способами обыгрывает фонморфологические стереотипы восприятия слов через новое смысловое наполнение узувальных или трансформированных морфодеривационных моделей, не уделяя внимания, например, эстетико-эвристическим возможностям окказиональных морфологических формоизменений. Очевидно, что такая когнитивная избирательность в использовании операциональных механизмов ЯИ аффицирована устройством индивидуального языкового сознания и условиями осуществления лингвокреативной деятельности. На наш взгляд, для дальнейшего лингвистического изучения представляет интерес проблема взаимосвязи возможностей ЯИ, заданных системой конкретного языка, и формальных лингвистических характеристик ЯИ определенного автора в таких системно заданных условиях (его лингвокреативного идиостиля).

ЛИТЕРАТУРА

Бабенко Н.Г. Окациональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ. – Калининград, 1997.

Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество: монография. – Екатеринбург, 1996.

Драгомощенко А. Memory Gardens // Новый Берег. 2005. № 10. URL: <http://magazines.russ.ru/bereg/2005/10/dra21-pr.html> (дата обращения: 15.04.2013).

Зализняк Анна А. Феномен многозначности и способы его описания // Вопросы языкознания. 2004. № 2. С. 20–45.

Зубова Л.В. Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект. – Л., 1989.

ИСТОЧНИКИ МАТЕРИАЛА

Драгомощенко А. а Тень чтения // Фосфор. – СПб., 1994. С. 169–185. URL: <http://vavilon.ru/texts/drago1-9.html> (дата обращения: 28.04.2013).

Драгомощенко А. б Эротизм за-бывания // Фосфор. – СПб., 1994. С. 150–159. URL: <http://vavilon.ru/texts/drago1-7.html> (дата обращения: 28.04.2013).

Драгомощенко А. с Я в(ь) Я // Фосфор. – СПб., 1994. С. 129–140. URL: <http://vavilon.ru/texts/drago1-5.html> (дата обращения: 28.04.2013).

Andrews B. Code Words // L=A=N=G=U=A=G=E magazine. 1978. URL: <http://eclipsearchive.org/projects/LANGUAGEN6/pictures/019.html> (дата обращения: 02.05.2013).

Andrews B. Text and Context // L=A=N=G=U=A=G=E magazine. 1980. Supplement 1. URL: <http://eclipsearchive.org/projects/LANGUAGESUPP1/pictures/019.html> (дата обращения: 02.05.2013).

© Устинова Т.В., 2013

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авдеева Галина Анатольевна – к. филол. н., доцент Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии, г. Нижний Тагил, Россия
E-mail: vadimg92@mail.ru

Бекасова Елена Николаевна – д. филол. н., профессор Оренбургского государственного педагогического университета, г. Оренбург, Россия
E-mail: bekasova@mail.ru

Гридина Татьяна Александровна – д. филол. н., профессор Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург, Россия
E-mail: tatyana_gridina@mail.ru

Гуляева Марианна Александровна – ассистент Волгоградского государственного педагогического университета, г. Волгоград, Россия
E-mail: maryilya@yandex.ru

Иванова Евгения Николаевна – к. филол. н., доцент Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург, Россия
E-mail: z3411828@yandex.ru

Коновалова Надежда Ильинична – д. филол. н., профессор Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург, Россия
E-mail: sakralist@mail.ru

Коровушкин Валерий Пантелеймонович – д. филол. н., профессор Череповецкого государственного университета, г. Череповец, Россия

E-mail: vkorovushkin@mail.ru

Кошкарлова Наталья Николаевна – к. филол. н., доцент Южно-уральского государственного университета, г. Челябинск, Россия

E-mail: nkoshka@rambler.ru

Плотникова Анна Михайловна – д. филол. н., профессор Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия

E-mail: annamp@yandex.ru

Токтарова Ирина Николаевна – студентка 3 курса Марийского государственного университета, г. Йошкар-Ола, Россия

E-mail: eltonkova@yandex.ru

Тонкова Елена Георгиевна – к. филол. н., старший преподаватель Марийского государственного университета, г. Йошкар-Ола, Россия

E-mail: eltonkova@yandex.ru

Устинова Татьяна Викторовна – к. филол. н., доцент Омского государственного педагогического университета, г. Омск, Россия

E-mail: utanja@mail.ru

Чиждова Инна Леонидовна – к. филол. н., доцент Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии, г. Нижний Тагил, Россия

E-mail: ilchizhowa@yandex.ru

Шипицына Галина Михайловна – д. филол. н., профессор
Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия
E-mail: Shipitsina@bsu.edu.ru

Юнаковская Алла Анатольевна – д. филол. н., профессор
Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия
E-mail: a.yunakovskaja@mail.ru

Фалоджу Джон Олунми – Ph.D., преподаватель Университета Лагоса, г. Лагос, Нигерия
E-mail: falorious@yahoo.com

SUMMARY

LANGUAGE AND SPEECH IN DISKURSIVE PRACTICES OF MODERN SOCIETY: A STEREOTYPE AND CREATIVITY

Bekasova Elena. Lingvokreativny capacity of Orenburzhye: from Kuyan to the Voucher

Abstract. In this article is considered dynamics of a language situation in the Orenburg region which leaves certain «traces» in antroponym's system that allows to open word creation mechanisms in modern conditions.

Keywords: language situation, functional paradigm of language, language changes, dialects, antroponimika, nicknames.

Gridina Tatiana, Konovalova Nadezhda. «Where are we going? The big question is ...»: pragmatics of creativity in the modern media discourse

Annotation. Pragmatics of evaluative implicatures in the modern language of a newspaper is analyzed in the article. Strategies and techniques of influence on recipient using a linguocreative technique of a language game are picked out.

Keywords: linguocreative activity, media discourse, pragmatics of language influence, a language game.

Gulyaeva Marianna. Communication avoidance strategy

Annotation. Communication avoidance strategy aiming at non-participation in communication process is analyzed in the article, a brief description of the typical tactics relevant for the strategy are suggested.

Keywords: refusal from communication, communication avoidance, silence, neglect of interlocutor.

Ivanova Evgeniya. Receptions of the creative nomination (on the example of names bookstores of Yekaterinburg)

Annotation. This article is executed in line with onomasiologicheskyy researches. The purpose of this publication – to reveal specifics of creative receptions of creation of concrete names of bookstores and to systematize them.

Keywords: artificial nomination, creative receptions of the nomination, informative and pragmatical functions of a language sign.

Korovushkin Valery, Faloju John. Linguocreative potential of Nigerian Pidgin English as an evidence of the present socio-language situation in Nigeria

Annotation. The article reveals some possible resources of verbal creativity of Nigerian Pidgin English speakers in the present sociolinguistic situation in Nigeria, realized by them in speech and registered in substandard dictionaries and texts.

Keywords: linguocreativity, verbal creativity, socio-communicative system, socio-language situation, bilingualism, diglossia, pidgin, pidginization, pidginism, Nigerian Pidgin English (NPE).

Natalya Koshkarova. Reflection of Arab Spring's events in foreign mass-media

Annotation. The paper is devoted to the analysis of speech influence means in foreign mass-media while covering Arab Spring's events. The author describes the repertoire of speech influence means in news genre the information occasion of which being the death of Libyan revolutionary and politician Muammar Gaddafi.

Keywords: Arab Spring, dichotomy «East-West», conflict discourse.

Tonkova Elena, Toktarova Irina. Creative potential of the professional expression «pod kluch» in the contemporary Russian language

Annotation. The article describes the transformation of semantics of the professional expression «pod kluch» in the publicity texts and its novel application in the language of the contemporary press.

Keywords: «pod kluch», semantics, professional expression, phrase, advertisement, lexical combination.

Chizhova Inna. Features of word creation in the speech of the masters of arts crafts of the Middle Urals (on the example of metaphorical names)

Annotation. Features of the metaphorical nominations in speech of masters of art crafts of the Middle Urals are examines in the article. Identifies types of metaphorical transfers and kinds of metaphorical models used by nominators.

Keywords: vocabulary of the Ural art crafts, metaphor, metaphorical nominations, metaphorical transfer, metaphorical model.

Shipitsina Galina. Innovation of business style in the light of creative activities

Annotation. On the linguistic material of ethical codes of Russian banks and companies, the article examines non-traditional for Russian language business style ways of mind expression, not excluding factual inaccuracy of the content and pragmatic-assessment of meanings for the sake of performance statements, taking into account the mentality of the addressee.

Keywords: code of ethics, creative, world view, the recipient, corporate ethics, Russian generations, the dialogue of worldviews, cultural and information gap.

Yunakovskaja Alla. Computer units in the Russian-speaking environment (on a material of Omsk)

Annotation. The short analysis of used computer units is presented in article in the nonprofessional environment by residents in word-formation aspect. The interpretation of a collected material offered by the author shows existence of the Russian component when functioning computer jargons.

Keywords: lingvokreativny opportunities of a computer slang, lingvokulturny basis of transformations, word-formation processes and elements.

LITERARY TEXT AS A SPHERE OF CREATIVITY IN LANGUAGE ACTIVITY

Avdeeva Galina. Stylistically marked (coloured) vocabulary in G.Shcherbakova's works.

Annotation. The question of functioning of stylistically marked vocabulary is investigated on the basis of two stories written by G.Shcherbakova. Attention is paid on the fact that stylistically coloured vocabulary in the works under analysis is used not only as a means of the character's speech characteristics, but also as a means of enhancing the author's speech expression. Stylistically coloured lexemes in G.Shcherbakova's works take on special symbolic significance.

Keywords: stylistically marked (coloured) vocabulary, functionally stylistically coloured vocabulary (bookish, colloquial), slangy vocabulary, emotional, evaluative vocabulary.

Plotnikova Anna. The Speech of a Bilingual in Fiction

Annotation. The paper considers the methods of an imitation of a Bilinguals' speech and something features of language game in fiction. The material is the novel by M. Gigolashvili. The methods of metalanguage reflection of the author of the text are analyzed in the article.

Keywords: Bilinguals' speech, metalanguage reflection, creativity in language activity.

Ustinova Tatiana. Language play in metalinguistic texts by language poets B. Andrews and A. Dragomoshchenko

Abstract. The article focuses on the linguistic mechanisms of language play in the essays of B. Andrews and A. Dragomoshchenko. The author analyzes structural and functional properties of ludic manipulations by means of the Russian and the English languages in the prose of the language poets and distinguishes between the universal and specific (conditioned by the language type) features of linguistic creativity.

Keywords: language poetry, language play, metalinguistic reflection, lexical syncretism, morpho-derivational transformations.

Электронный научный журнал

УРАЛЬСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Серия

**«ЯЗЫК. СИСТЕМА. ЛИЧНОСТЬ:
ЛИНГВИСТИКА КРЕАТИВА»**

Сетевой адрес журнала: <http://journals.uspu.ru>

Издатель: ФГБОУ ВПО

«Уральский государственный педагогический университет»

Адрес издателя и редакции:

620017, г. Екатеринбург, пр-кт Космонавтов, 26, каб. 281.

E-mail: vorobyevanat@mail.ru

Тел.: (343) 235-76-64; (343) 235-76-41

Периодичность издания: 5 раз в год

Периодичность серии: 1 раз в год

Выходные сведения:

Уральский филологический вестник:

Электронный научный журнал. 2013. № 3.

Серия «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива»

(Вып. 22). – URL: <http://journals.uspu.ru>